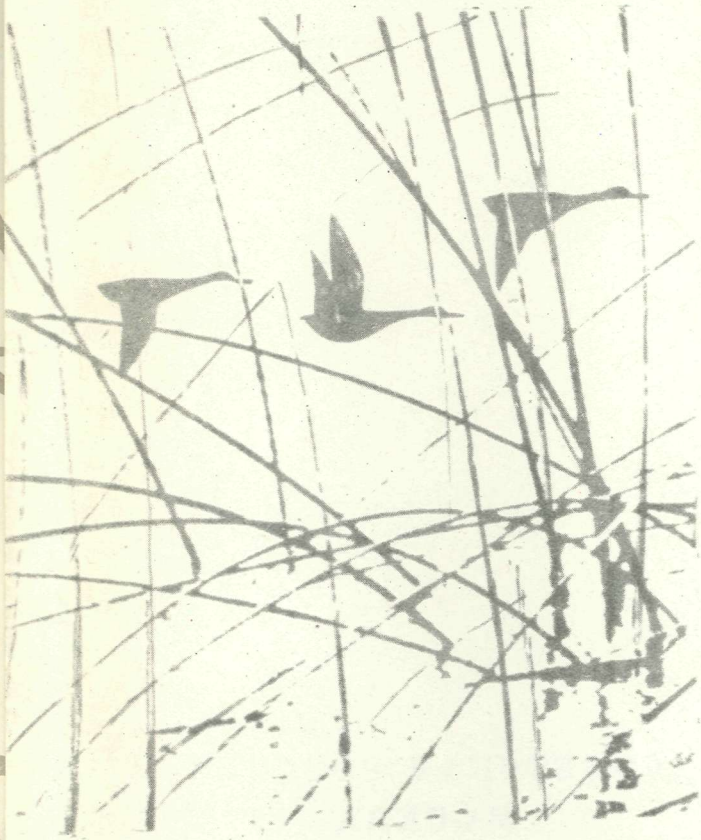
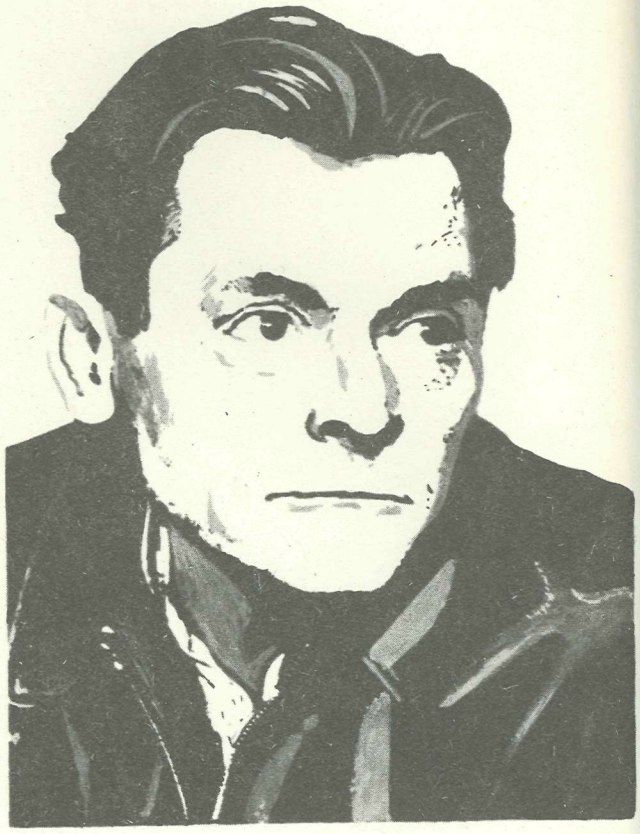
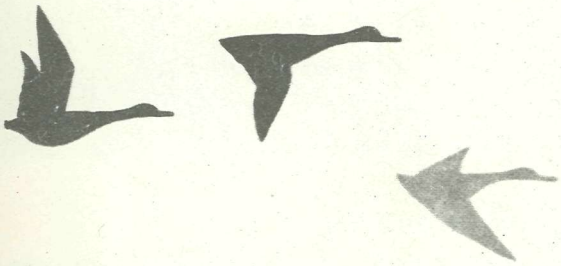
Ш 757012

Александр Яшин • СЛАДКИЙ ОСТРОВ





Александр Яшин



СЛАДКИЙ ОСТРОВ

рассказы

Рисовал Юрий Копейко

757012

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

РС
Я-96

+кр

Где живут сказки?

Эта — в озере. Она — «утренняя лилия». Её можно увидеть, если, затаив дыхание, не шевелясь, долго-долго всматриваться в тихую озерную гладь. И не спугнуть, чтобы сказка не спряталась надолго, навсегда.

Главное: уметь ждать, хотеть увидеть сказку...

А где это озеро? Дорогу туда «открыл» поэт Александр Яковлевич Яшин. «Сладкий остров» — первая книжка для вас, ребята. Писатель очень хотел, чтобы вы глубоко и нежно полюбили русскую природу, свою Родину.

Смотри же, слушай.

И — вдруг утренней лилией в тишине взойдет твоя, единственная, неповторимая сказка?

КОГДА МЫ УЕДЕМ?

Мы не знали, куда едем, какой такой необитаемый Сладкий остров вдруг обнаружился в Белозерье и как мы там будем жить. Думалось — едем дней на десять, не больше. Отдохнем, половим рыбку и обратно. Почему-то представлялось, что остров находится вблизи Кирилло-Белозерского монастыря, куда в свое время не раз наезживал Иван Грозный, где была заточена одна из его жен и отбывал ссылку архиепископ Никон; либо этот остров около другого архитектурного памятника русской старины — Ферапонтова монастыря, в котором еще и поныне живы фрески гениального Дионисия.

Казалось даже, что Сладкий остров находится на самом Белом озере. Но на Белом озере никогда не было и сейчас нет никаких островов.

Сладкий остров мы нашли в не менее примечательных местах — на Новозере. И не там и не таким, каким представляли его по рассказам. Обычная история: сколько ни читаешь, сколько ни слушаешь о чем-нибудь, а когда сам увидишь и испытаешь — оказывается все не так. Северные сияния видали на картинках, все видали, и читали о них много, все читали. А уверяю вас, они совсем не такие, какими вы

их себе представляете. Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представления о войне, пока я на ней сам не побывал. Зато, побывав и в огне и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передает состояние человека на войне.

Итак, мы переправляемся на лодках из деревни Анашкино на Сладкий остров, сначала в большой компании. Почему остров этот называется Сладким? Всегда ли, для всех ли он был сладким?

Местные люди рассказывают, что вблизи острова Сладкого, на острове Красном, процветал в свое время Новозерский монастырь. О красоте его можно судить по сохранившимся до наших дней крепостным стенам, которые вырастают прямо из воды, и по остаткам церквей и прочих монастырских заведений. На каком бы берегу Новозера люди не находились, на низком болотистом, где собирают клюкву и морошку, на лесистом ли высоком, где грибы и малинники и всякая боровая дичь, — отовсюду, конечно, видны были золотые луковицы куполов, и далеко по озерной глади разносился медный гул и звон с высокой колокольни — «малиновый звон». Красного острова по существу не было и нет — ни клочка голой, не огороженной камнем земли. Просто посреди озера вознесся к небу сказочный град-крепость, будто один расписной волшебный терем, подобие которому можно найти лишь на самых замысловатых лубках и древних иконах. Он был весь «как в сказке» и в то же время был на самом деле, существовал, красовался.

А на примыкающем к монастырю, тоже небольшом, но совершенно плоском и очень зеленом островке господствовало и процветало православное купечество. В престольные праздники, особенно в дни Тихвинской, здесь работали и лавки, и палатки, и лотки, бродили шумные коробейники — шла оживленная торговля. Купить можно было все — от заморских шалей и полушалков до детских пряничных петушков.

Но особенно славились новоозерские базары сладкими винами и сбитнем. Что такое сбитень — выяснить точно не удалось. Это какой-то безалкогольный горячий напиток, приготовленный на патоке или подожженном меду со специями, с пряностями. Может быть, это нечто вроде кока-кола или наших ситро и лимонада. Продавали сбитень, как и все другое, с шуточками-прибауточками: «Сбитень горячий пьет подъячий; сбитень-сбитенек пьет щеголек!» И верно, горячий сладкий сбитень любили все от старого до малого, сладкие леденцы и пряники тоже.

Христолюбивым чадам, только что приобщившимся к святым тайнам и отведавшим сладкого причастия, не менее сладкими казались и русская горькая и сивуха. Большие народные гулянья с тор-

жественными обрядами и недолгие пиры скрашивали нелегкую крестьянскую жизнь — в престольные праздники, на миру, она казалась порой и обильной и сладкой. Потому будто бы и остров этот стали звать Сладким. Так рассказывают старые люди.

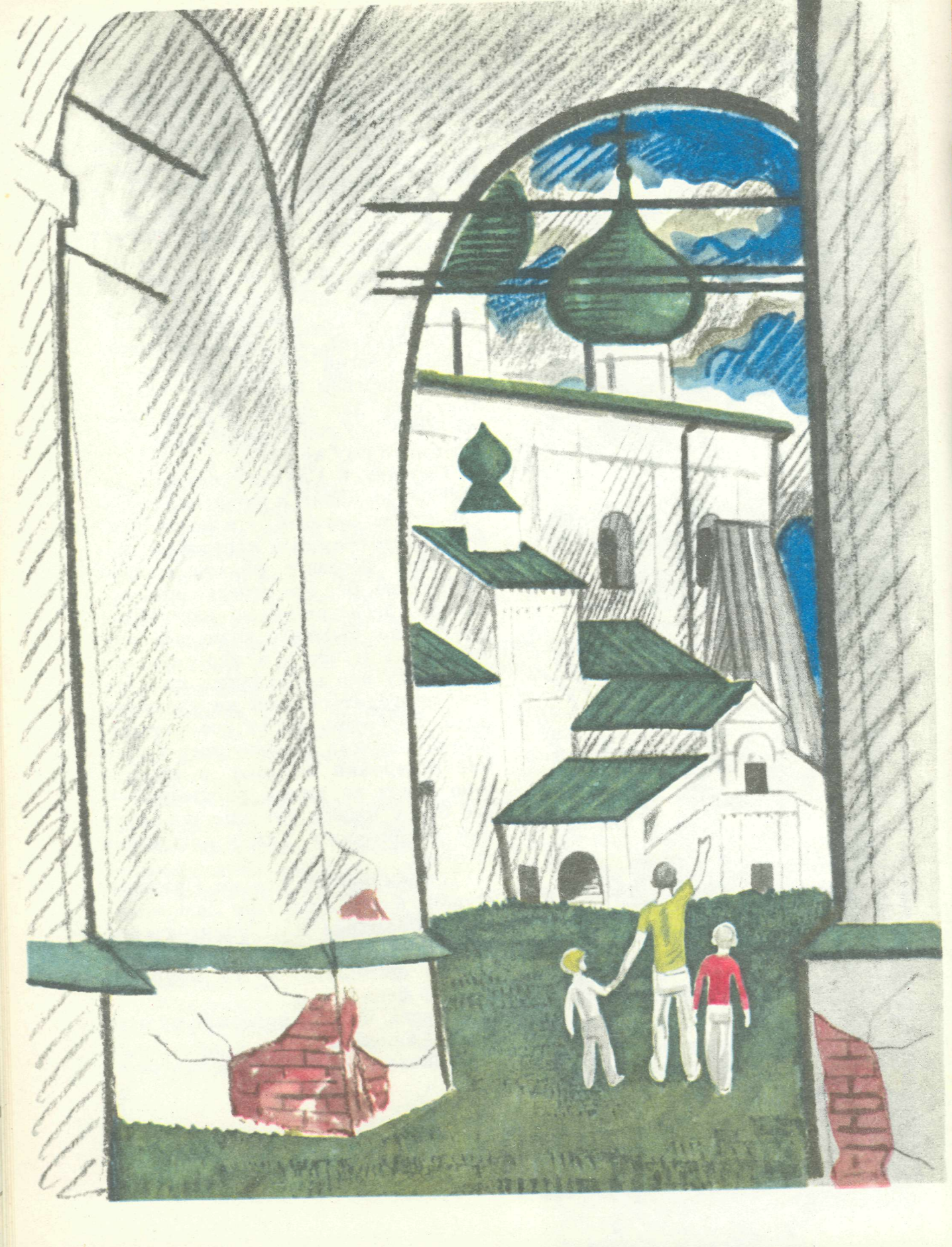
Позднее оба острова были использованы для других надобностей. А сейчас монастырская крепость пустует. Летом в ее стенах сторож Сергей Федорович, колхозник из деревни Карлипки, заготовляет сено для своей личной коровы — это его собственное угодье, и тут никто ему не указ.

Опустел и Сладкий остров. Догнивают на корню и рушатся березовые аллеи. Догнивают и разваливаются всевозможные постройки, постепенно исчезает разное мелкое имущество. Все оно небесхозное, все где-то зарегистрировано, занесено в книги, но бывшим хозяевам оно теперь ни к чему, а передать его тем, кому оно необходимо или может пригодиться, они не удосужились. Вероятно, когда все служебные помещения, жилые дома и прочие постройки догниют, а имущество будет до конца расхищено — все будет просто списано по акту, как непригодное. Так у нас часто водится.

Поговаривают, что на Сладком острове будет строиться дом отдыха леспромхоза или Вологодского отделения Союза писателей, либо колхоз организует здесь крупную утиную ферму.

Первое, что нас поразило на острове, — тишина.

Приехали мы туда поздно вече-



ром, и это особенно усилило впечатление удивительной устойчивости, неколебимости всего, что нас окружало. Воздух был неподвижен, вода тоже. На Новозере даже ряби никакой не было, не только волны, разве что иногда рыба всплеснет. Деревья стояли на земле прочно, ни один листочек не вздрагивал. Свистели утиные крылья, да гудели, пели, звенели комары. Комариный писк воспринимался как вечный шум в морской раковине, как пенье самой земли. Он не нарушал тишины, а только усиливал ее. Ночью вокруг озера запели петухи, да где-то далеко-далеко вскрикивали журавли.

Эхо отзывалось на всякий звук. В горах эхо, кажется, присутствует всегда, оно не исчезает. А здесь эхо — гость нечастый, и потому, когда оно появляется, с ним хочется разговаривать, дурачиться и детям и взрослым.

— Какой цветок вянет от мороза? — кричит почтенная мать семейства. И радуется, когда эхо отвечает ей: «Роза! Роза! Роза!»

— Что болит у карапуза? — озорно вопрошает отец.

— Пуза!

Ах, до чего весело, до чего остроумно!

И вдруг эхо замолчало. Почему?

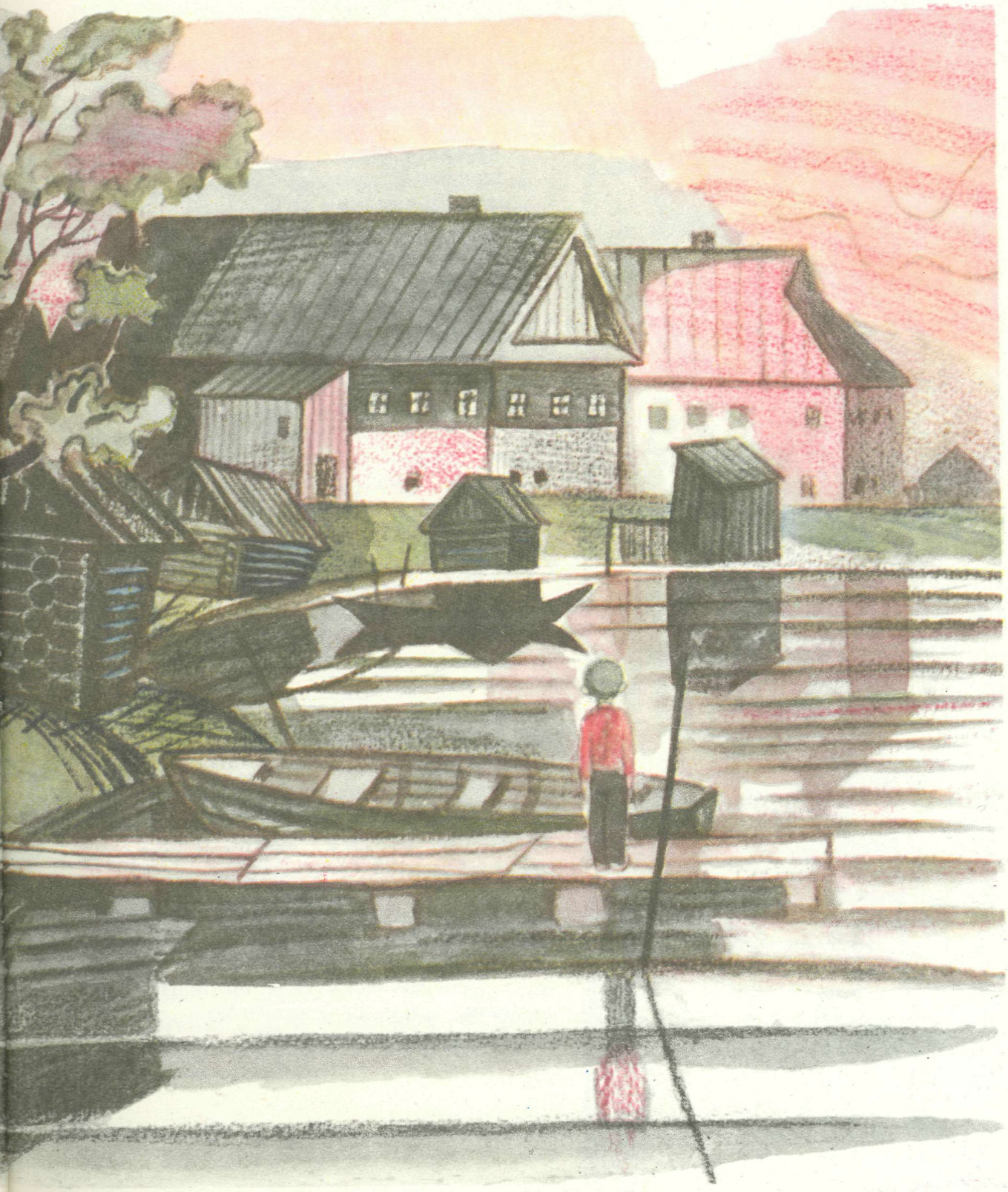
Старший сын едет за молоком, и в вечерней тишине плеск вёсел разносится по водной глади и повторяется многократно. Это тишина. Что может быть дороже тишины на свете?

Посмотрите кинокартину «Встреча с дьяволом» — люди, побывавшие в кратерах действующих вулканов, утверждают, что самое большое в мире достояние — тишина. Я понимаю их. Я живу в большом городе.

Тишина осталась и утром, и на весь день и уже казалась непреходящей. Утром по берегу из деревни Карлипки в деревню Анашкино и дальше к деревне Артюшино — центральной усадьбе колхоза «Заря» — проходила грузовая машина с молоком, только одна грузовая машина — вот и весь шум, а хватало его на весь день. След машины отмечался скорей не шумом, а пылью. Пыль, как дым, клубами поднималась над лесом вдоль берега озера и долго-долго не рассеивалась. По пыльному следу хорошо было видно, где проходит дорога, все изгибы, все неровности ее.

Но до Сладкого острова не доплывала и эта пыль. Здесь воздух был абсолютно стерильным. И потому так ярко горели здесь закаты и восходы, тысячекратно повторенные в воде. Весь остров просвечивался, вода была видна отовсюду, и он всю ночь сиял в огнях снизу доверху — летние ночи здесь очень коротки. Не успевал потухнуть закат, как рядом с его кострами возникало зарево восхода.

— Когда же мы спать будем? — радостно и встревоженно спрашивали мы друг друга.



Для детей наших, питомцев большого города, все казалось особенно диковинным и волнующим.

— Как? Это и есть белые ночи? Значит, мы уже на настоящем Севере?

Мы облюбовали один из домов, заняли половину его, наносили в комнату, предназначенную служить спальней, свежего сена, расположились и сказали себе:

— Десять дней мы здесь проживем. Это уже ясно. Сможем ли только уехать отсюда через десять дней?

Новый быт складывался сам собой. Мы стали ходить сначала в трусах и майках, потом только в трусах. Затем перешли к плавкам, чтобы лучше загореть. Под конец кое-кому и плавки показались лишними. Умывались мы в озере, завтракали на берегу озера, прямо у костра. Купались по нескольку раз в день. Обыкновенные пластмассовые мыльницы нас перестали удовлетворять, и мы заменили их створчатыми ракушками. Любой кусок мыла на перламутре казался совершенством. Зубы продолжали чистить, но неохотно: вероятно, надо было заменить простой зубной порошок святым озерным песочком.

Миша мыл руки в озере и удивлялся: не скрипит.

— Почему-то мыло не смывается? — спрашивал он.

— Потому что здесь вода очень мягкая.

— Как это — мягкая?

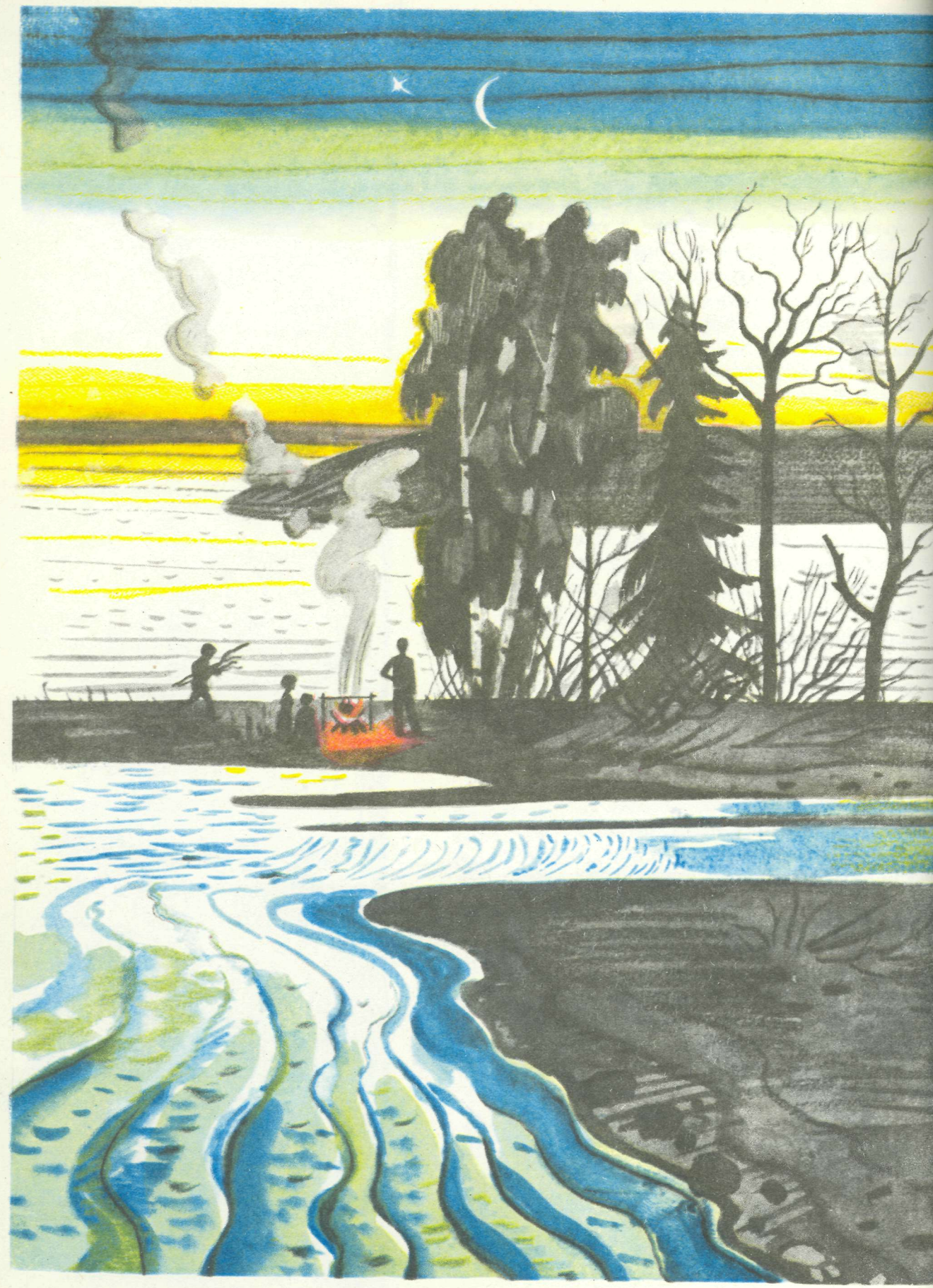
— Не могу тебе объяснить, — в свою очередь удивлялась мать. — Наверно — ласковая!

— А, понятно! — удовлетворялся Миша.

Конечно, легко сказать: завтракали, обедали, ужинали на берегу озера, прямо у костра. Но ведь скатерти-самобранки у нас с собой не было. Не захватили. Значит, кто-то должен был разжигать костер, готовить завтраки, обеды, ужины, мыть посуду. Кто же? Конечно, мать. Мать и на озере оставалась матерью. Отдыхала ли она сама — трудно сказать. Но нам казалось, что она больше всех довольна, что приехала сюда. Она ликовала. Она во всем находила что-то прекрасное и радовалась не одним закатам и восходам. Она сочиняла сказки, сочиняла сказки для всех. Отец, конечно, писать не смог: здесь было слишком хорошо, и это ему мешало. Ему всегда что-нибудь мешало. Слишком хорошо — плохо, и слишком плохо — нехорошо. А мать мыла посуду в озере и радовалась: как хорошо — оказывается, и в озере вода течет. Полоскала с мостика наши трусы и майки и говорила:

— Удивительно, как быстро и легко прополаскивается!

Теперь я понимаю, почему в русских городах, где есть уже и водопровод и ванны в квартирах, женщины все-таки предпочитают полоскать белье в реке, на речке. В Вологде у причалов стоят новенькие обтекаемые катера, теплоходы с канала Москва-Волга, по асфальтированным улицам носятся сверкающие лаком и никелем автомобили, а на берегу реки, напротив педагогического института, вологодские хозяйки, как и восемьсот лет тому назад, с мостков, с дощечек поло-



щут свое белье, выжимая и перекладывая его с левой стороны на правую, с правой стороны на левую. Складывают его в плетеные корзины и на коромысле уносят домой. Попробуй после половодья не навести мостки в срок — поднимут бунт. Зимой они полощут его в прорубях, обставленных вокруг зелеными елочками — от метелей, — а потом развешивают на морозе на веревках. Вот и становится белье белоснежным и попахивает ледком, морозом. Как хорошо!

Мы радовались всем маминым радостям и на многое смотрели ее глазами. Интересно было, когда она вдруг замечала в жизни, в природе что-то такое, мимо чего мы проходили, не обращая на это внимания. Она часто заставляла нас как бы прозревать.

— Обыкновенная лебеда, а тень от нее богатая, узорная, как от диковинного цветка...

Узнала от рыбаков мать, что лещ — рыба мирная, не хищная, питается насекомыми, червяками, любит жить в траве, в хвоще, а растет быстро и достигает размеров необыкновенных. Силища у этого водяного вегетарианца страшная. Посмотрела мать на леща, подняла золотистого, влажного, чешуйчатого великана и сказала:

— Вот, ребята, озерный лось. Заходит он в камыши, как лось в осиновую рощу, питается травкой, личинками, червячками, сам никого не обижает, а его все боятся. Озерный лось!

— Это надо записать, — сказал папа, — может пригодиться.

Серебристую плотву мама сравнила с сыроежкой. Сыроежка — гриб вкусный, но портится быстро, легко крошится, белая гребеночка ее снизу шляпки осыпается. Плотвичку тоже надо немедленно чистить и варить или жарить, не то загниет. А чуть переваришь — вся разлезется, есть станешь — костей не оберешься. Некрепкая рыба, что и говорить.

— Записать надо, это интересно: плотвичка что сыроежка. А ведь похоже! — восхищался отец, отдавая должное маминой наблюдательности.

Мы купались ежедневно и утром, и днем, и вечером, а почувствовали всю прелесть лишь после того, как выкупалась в озере мать и, выкупавшись, повернулась к озеру и поблагодарила его, а затем наклонилась к воде и поцеловала ее.

— Когда купаешься, плывешь — все тело пьет воду.

— Это правильно, — сказал отец, — это надо записать.

А Миша сказал:

— Не понимаю, почему папа писатель, а мама не писатель.

— Что ж, сынок, бывает и так. У нас это бывает, — согласился отец. Он не обижался. Кажется, он думал так же.

757012
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

ВОЛНЫ ШУМЯТ

В стороне от дома, в южной части Сладкого острова, на сенокосной поляне стоит старая дородная береза, наверно, самая старая из всех уцелевших на нашей земле берез. В жаркие дни мы лежим под ней на разостланном одеяле, загораем и читаем книги вслух, читаем поочередно, потому что защитные очки на всех одни. Солнце лилось, сочилось на нас отовсюду — и с неба, и с озера, и с луговых цветов и трав, и даже с листьев березы. Озерные волны несли его издалека в виде белых гребешков. Редкие прозрачные облачка тоже были частицами солнца. Береза под ветром шумела, раскачивалась.

Но Злате не хватало прохлады, и она ушла загорать к озеру на деревянные мостки, где мы брали воду, чистили рыбу, полоскали белье, купались. Сходила раз и уже больше не возвращалась под березу, даже в сильный ветер, даже в прохладные дни.

— Чего же тебе там понравилось?

— На мостках веселее: волны плещутся, лежишь и слушаешь, будто рассказывают о чем. Чего только не вспомнится с ними! В детстве меня с сестрой увезли под Москву на целое лето. Там мы впервые увидели деревню, и лес, и малиновые заросли, и льняное поле, и как ловят рыбу, и как доят коров. Там мы научились купаться... Мама говорила: отойди от берега поглубже, чтобы вода до подмышек была, и кидайся, и плыви к берегу. Только к берегу, всегда к берегу... Плещутся волны о доски, ныряют под мостки, катятся на берег, набивают пену, и все говорят, говорят, вспоминают твое и мое детство, твою и мою жизнь. Здесь и березам веселее — шумят...

— Но там береза тоже шумит.

— Шумит-то шумит, да поговорить ей не с кем. А здесь волны. С ними никогда скучно не будет. Разве что тоска прихватит... И бегут эти волны к берегу, только к берегу, как мама нас плавать учила...

ЧАЙКА

Какой только рыбы не водится в Новозере, каких только птиц не летает над ним! Однажды утром Миша вышел на песчаную косу, чтобы послушать, как далеко-далеко на болотах, за береговой излучиной, кричат журавли. Солнце уже всходило, и озеро то и дело меняло цвета, будто примеряло разные наряды — какой из них больше подойдет на сегодняшний день. На небе солнце взошло одно, а в озере их отразились тысячи.

Журавлей Миша никогда не видел. Не увидел он их и сегодня. Зато на песчаную косу вдруг спустилась с неба удивительная птица: вся розовая, только клюв черный да черное пятнышко на голове. Миша видел, когда птица летела, и ее длинные тонкие крылья показались ему похожими на гребни волн. Он всегда рисовал море с такими волнами. Села розовая птица на песчаный откос и так неторопливо сложила свои волнистые крылья, будто кружевной подол платья подобрала.

Прибежал Миша домой, рассказал маме, какую он удивительную птицу видел, а мама выслушала и сказала, что это была чайка.

— Нет, мама, это была не чайка. Чайка же белая.

— Да, это правда, что чайка белая.

Вечером того же дня Миша увидел еще одну необыкновенную птицу — совершенно голубую. Голубую, как вечернее предзакатное небо.

Рассказал он маме и об этой птице, а мама подумала и опять сказала, что и это была чайка.

— Нет, мама, это была не чайка, а какая-то небывалая птица. Чайка же белая.

— Да, чайка бывает белая — это верно. Сходи на берег, присмотрись к ней хорошенько еще раз.

Вернулся Миша на берег озера, когда солнце уже садилось и его нетленный огонь разгорался все больше и больше. Это уже был целый костер. Казалось, коснется солнце своим краем озерной глади — и закипит, забрызжет, запенится под ним вода.

В этом закатном огне увидел Миша в небе целую стаю птиц, похожих на чаек, и все они были золотые, огненно-золотые.

«Как в сказке! — сказал про себя Миша. — Но это же чайки. Это все одни и те же чайки».

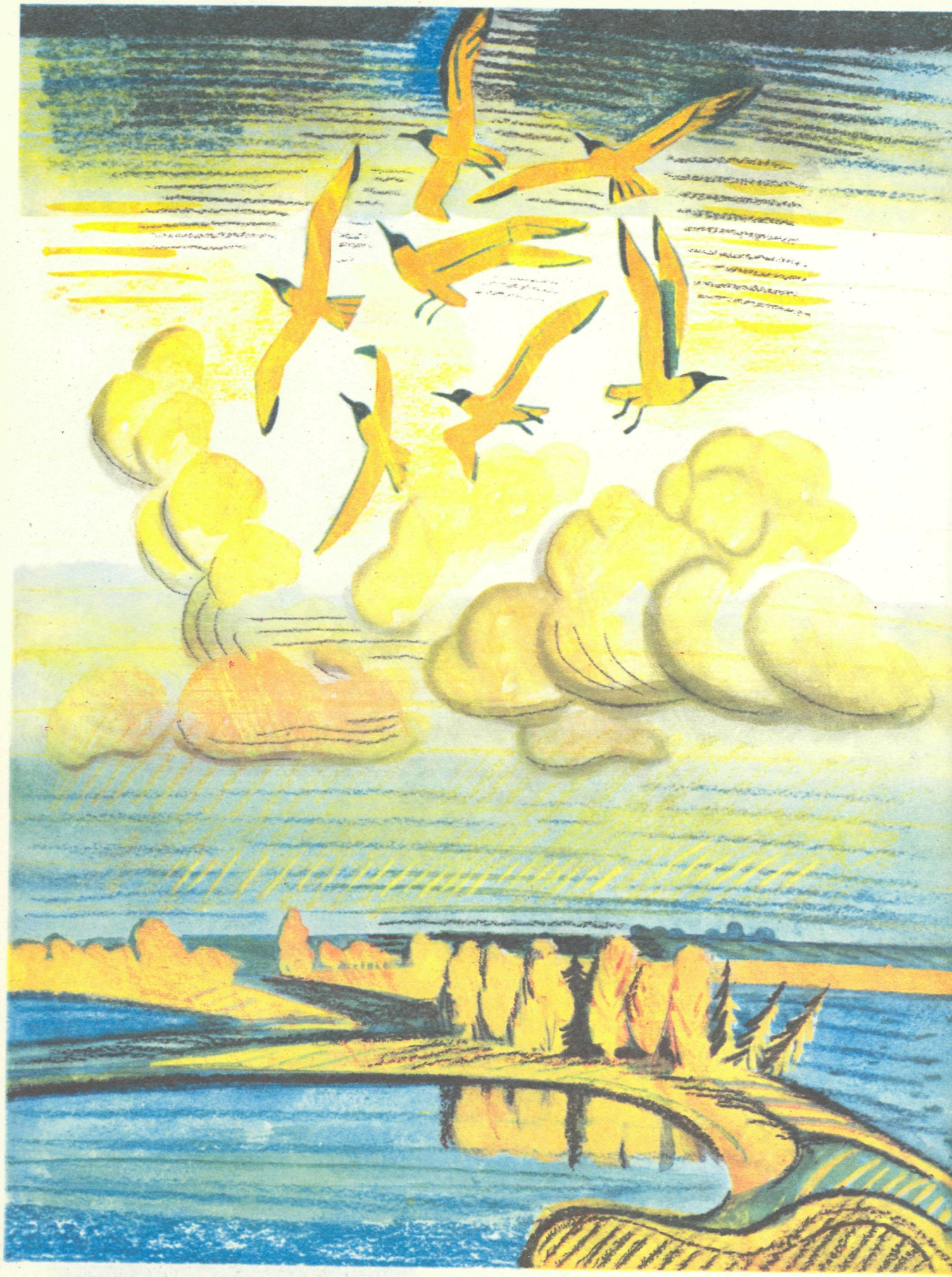
— Это чайки, мама! — согласился наконец Миша.

— Ты их видел белыми?

— Нет, я не видел их белыми. Они белые, но на этом озере все, как в сказке, все сказочное — и восходы, и закаты, и лунные ночи. И птицы и люди — как в сказке.

ТЫСЯЧА ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

В Новозере было очень много рыбы, но питаться одной рыбой скоро надоело; она, как говорится, приелась. К тому же для шестилетнего Миши из-за болезни почек бы-



ла противопоказана пища, богатая белками. На уху он уже смотреть не мог, ел иногда жареных окуньков.

Из-за этой Мишиной диеты мы, собственно, и побаивались отправляться из Москвы в далекое путешествие. Но раз уж приехали и заняли на Новозере необитаемый островок — Сладкий остров, и погода была на редкость хорошей — мы купались по нескольку раз в день, и загорали, и жили всласть, — то надо было подумать не только о рыбе, но и о мясе.

Председатель колхоза, на земле которого мы устроились летовать, сам предложил нам либо гуся, либо утицу, либо куру на выбор. (Молоком и творогом мы пробивались на соседнем островке, на котором жили-были старик со старухою.)

Колхозная птицеферма находилась от Сладкого острова километрах в трех. Мы отправились туда на лодке втроем — я, Саша и Миша — то есть отец и его сыны.

Уток и гусей считали в колхозе тысячами, кур — и того больше. Район в течение одного года резко увеличивал производство мяса, и колхозам разрешено было часть птичьего поголовья сдавать на сторону, помимо плана: все равно для трудящихся, для рабочего класса.

— Прибыльное ли это дело — гуси и утки? — спросил я бригадира, человека немолодого и, по-видимому, в колхозных делах сведущего. В недавнем прошлом он сам был председателем колхоза, одного из тех двенадцати, которые объединились в нынешнем укрупненном.

— Пока не очень прибыльное! Не очень! Не прибыльное! — ответил бригадир. — Новое оно для нас, дело это. Цыплята привозные, по четыре рубля за штучку. Инкубаторные, растут без отца, без матери, вроде приютских ребят, сироты. Ну и дохнут. В чем причина, не выяснено. Кормим, даже рыбий жир даем против авитаминоза. Специалистов привозили — ничего сказать и они не смогли. Может, партия яиц попалась плохая, потомство слабое. Конечно, убыток. Посудите сами: за матку платили по тридцать восемь рублей, а на мясо сдаем утицу за двенадцать рублей; вес ее — килограмма два. Маток оставляем на зимовку штук пятьсот, на каждую уходит семьдесят килограммов пшеницы. Яиц они почти не несут. Линяют раньше срока. Куда что девается, убыток один. Но дело это новое, поэтому все списывается по акту.

— И семьдесят килограммов пшеницы списывается?

— Как же, приходится. И рыбий жир списываем.

Бригадир рассказывал обо всем этом с точным знанием дела, памятливо, с цифровыми выкладками и с таким искренним огорчением за колхоз, что я решился спросить:

— Простите, но ведь за всем не уследишь. Может, не все птице перепадает, что ей положено?

Бригадир огорчился еще больше:

— Ну что вы! Ни утки, ни гуси, ни куры не обижены. Уток моя жена сама кормит. На моих глазах, Тут злоупотребления исключены.

Мы решили взять для Мишиной диеты двух кур. Бригадир предложил петуха и куру. Мы согласились. На птицеферме начался переполох. Птичница ловила то курицу, то петуха, бригадир сам ощупывал их и браковал:

— Давай пожирнее. И где ты таких драных находишь?

Птичница молчала, ловила следующих. Наконец и петух и курица были отобраны. Мне они не показались жирнее предыдущих, но были красивы, кремово-белы.

Хороши были обе птицы. У петуха, конечно, был королевский вид, и красная раздвоенная борода, и красная корона на голове. Но ежели петух — король, то курица выглядела королевой. В ней было столько врожденной женственности, что ее гребешок скорее походил не на корону, а на старинный северный кокошник. Узорчатый зубчатый верх кокошника свешивался на сторону, словно бархатные кисти и расшитые бисером многоцветные подвески.

Миша повизгивал от радости.

— И у царицы есть бородка! — кричал он. — Только маленькая. Ну дайте же мне подержать курочку, я всю жизнь не видел ее так близко.

Петуха он пока побаивался.

Но и петух и курица были предназначены для заклания, поэтому четвероклассник Саша считал необходимым держаться в данном случае солидно и покровительственно относился ко всем Мишиным восторгам. Он только с пониманием посматривал на отца: пускай, дескать, малый потешится, от этого аппетит его хуже не станет. Отец сам любовался птицами и почти по-детски радовался им, будто видел таких впервые. Он в свое время учился довольно долго, но в жизни чаще всего требовалось знание только четырех действий арифметики, и ничего больше, поэтому его образование в настоящее время уже сравнялось с образованием старшего сына, четвероклассника.

Птиц, не связывая, положили в мучной мешок, и Миша понес их сам, сначала осторожно, на вытянутых руках, впереди себя, а потом просто перекинул их через плечо.

В лодке на середине озера курица выбралась из мешка. Первым заметил ее Саша, — он сидел на корме с доской вместо рулевого весла, а мешок с курами лежал на носу, за спиной отца, который сидел на веслах.

— Курица, курица! — вдруг завопил Саша. — Улетит!

Все обернулись. Курочка сидела у борта лодки и недоуменно осматривалась. Кокошник и бородка ее были белы от муки. Она никуда не хотела лететь: кругом вода, ни земли, ни крыши. Она казалась совершенно спокойной, но, когда ее стали брать в руки, она всполоши-

лась, закудахтала: «Куда, куда, опять в мешок?!» — и попыталась ринуться в озеро. Все-таки свобода, даже куриная, была ей дорога.

Миша радовался, еще больше кричал, визжал, кудахтал.

— Ой, спасибо вам, товарищи! — то и дело говорил он отцу и брату.

Саша покровительственно улыбался.

На острове нас встретила мать. Смертельно уставая возиться с утра до вечера с рыбой, с рыбьей чешуей, с рыбьими костями и колючками, из-за которых у нее болели все пальцы на руках, она обрадовалась не так нам, как птицам.

Начался детский шум, рассказы вперебой, взахлеб, словно мы вернулись из дальнего пионерского похода.

Птиц мы выпустили на свободу. Петух долго не мог прийти в себя. Он задыхался от жары и мучной пыли, стоял с раскрытым клювом, уставившись в одну точку, и казался очумелым.

— Папа, он умирает, — перепугался Миша.

Но петух не умер. Голова его наконец задвигалась, бородка дрогнула, словно бархатный занавес перед началом спектакля, он переступил с ноги на ногу, увидел курочку, зелень, деревья, увидел небо и воду, что-то бормотнул, квокнул и начал щипать траву. Первого же червячка или букашку, а может, какое-то зернышко, которое он нашел в траве, он подарил своей курочке. Чья же она и была, если не его? Не могла же она быть ничьей? Курочка не жеманилась, не отбивалась, а приняла подарок как должное, подбежала и клюнула что-то видное лишь им одним.

Когда их стали кормить хлебом, петух взял в клюв первую крошку и опять деликатно позвал свою курочку, и та опрометью бросилась на его зов, к его крошке, хотя рядом лежала целая хлебная горка.

Вместе они стали закусывать, заедать хлеб травой. Они были как дома, они были на земле.

А когда петух впервые кукарекнул, необитаемый дотоле остров стал и для нас совершенно обжитым.

До вечера мы их не трогали. Только посоветовались, которого порешить первым. Мать сказала:

— Надо примечать, кто первым затоскует. Птица тоже чует свой конец.

Ни курица, ни петух своего конца не чуяли.

Миша целый день ухаживал за ними, кормил их остатками каши, вареной и жареной рыбой, собирал дождевых червей и предлагал даже кусочки сахара. Сугубо городской мальчик и немного вялый после тяжелой болезни, он оживился и, кажется, розовел на наших глазах.

Вечером мы стали думать о курятнике, о ночлеге для нашей птицы. Требовался насест.

— Какой насест? — спросил Миша.

— Вот не знает! — высокомерно сказал Саша.— Какой насест, мама?

— Обыкновенный насест, чтобы спать. Жердочки вроде любой ветки, как для любой птицы.

— Понял? — сказал Саша брату. — Насест — это вроде ветки на дереве. Птицы должны спать на деревьях, высоко над землей. Правда ведь, мама?

— А разве куры — это птица? — удивился Миша.

— Вот не знает! — сказал опять четвероклассник, обращаясь на этот раз к отцу. — Конечно, птица, раз перья. Правда ведь, папа?

— Правда, мой старший. Перья и яйца — значит, птица, — подтвердил родитель.

На ночь решили устроить кур в одной из свободных комнат. Казалось, на одну ночь — что ж тут такого? Ведь пустовал весь дом. Мать выбрала комнату и положила в ней жердочку между подоконником и письменным столом. Канцелярские столы остались здесь во всех комнатах: когда-то и Сладкий остров был учреждением.

Курица далась в руки легко. «Ко-ко-ко!» — сказала она, и только, и мы посадили ее на насест в канцелярском кабинете. А петух начал носиться по острову, как ракета, резко меняя направления и заранее предугадывая все наши маневры. Никакие оцепления, никакие «котлы» не были для него в диковинку. Щуку в озере поймать было легче, чем его на суше. Когда мы прижимали его к изгороди или к стене дома, он проскальзывал мимо наших ног, когда брали в клещи в крапиве, куст крапивы вдруг взрывался, и петух с криком выносился из него вверх, на крышу.

— Это гениальный петух! — сказал про него Саша. — Правда, папа?

Миша пробовал пробиться к петушиному сердцу:

— Милый петух! Петенька! Мы же твои друзья, уступи, пожалуйста, тебе давно спать пора. Тебя курочка ждет. Комната отведена, насест приготовлен.

Петух не уступал.

— Все они короли такие, правда, мама? — сказал Саша и с деланным равнодушием вышел из игры.

— Он просто жить хочет, — заметил на это Миша. — Как ты этого не понимаешь?

— Ну да, я не понимаю. Ты все понимаешь...

Наконец от петуха отступились все. Мама заявила, что слыхала еще от бабушки, будто с закатом солнца куры перестают видеть, и тогда можно будет взять петуха запросто и водворить куда следует.

Стали ждать захода солнца. Но когда закатилось солнце — петух исчез. Исчез бесследно. Вся семья снова была поднята на ноги, и в течение получаса, не меньше, мы все, островитяне, обыскали каждый уголок родной земли: бурьяны, крапиву, ивняк, полусгнившие

домовые пристройки, уцелевшие дровяные сарайчики, баню и предбанник, — петуха нигде не было.

— Гениальный петух: дал мат в три хода! Не так ли, Миша? — попытался заключить старший брат.

Миша не ответил ему. Он размышлял вслух:

— Неужели петух мог решиться на такой перелет? Неужели пересек озеро? Конечно, он птица, но он тяжелый. Что же он подумал про нас, если решился...

Миша был огорчен больше всех, что петух исчез. Это же был его петух.

Мама не верила, что петух мог куда-то улететь с острова, но и она огорчилась. Она уже начинала понимать, словно предчувствовала, что с утра придется ей опять чистить и варить рыбу.

Петуха нашел отец. Уже в сумерках.

— Я же старый охотник! — хвалился он, когда семья сбежалась на его крик и еще никто не знал, куда надо смотреть. — Я же бывалый охотник и вырос среди охотников. Сколько этих глухарей я за свою жизнь перебил. Вон где он, вон куда смотрите! — указал отец на березу, огромную и широкую, как дуб.

В сумерках сквозь ветви березы проглядывало не то небо, не то озеро — и вода и небо были одинаково розовыми. И на этом розовом фоне в закатном огне отчетливо прорисовывался силуэт большой и гордой птицы с зубчатой короной на голове. Петух сам

нашел свой насест — высокий и могучий сук.

— Глухарь, настоящий глухарь! — восхищался отец. — Эх, куда забрался! Ну, токуй, токуй!

Петух повернул голову и встревоженно подал голос. Им любовались, как дичью. Он украсил собою этот островок, это озеро, и вечернюю зарю, и эту березу, которая одна теперь сходила за глухую, населенную птицами и зверьем, нехоженую рощу.

— Если его сегодня не взять, завтра не поймаешь, — сказала мама.

— Возьми его. Как ты его возьмешь?

— Он же слепой, солнце уже село. Столкни сейчас — где упадет, тут и сядет, и прижмется.

Нет, этот петух и в сумерках видел неплохо. Сбитый с березы длинным шестом он долго еще носился по острову, пока не был водружен в канцелярию в принудительном порядке.

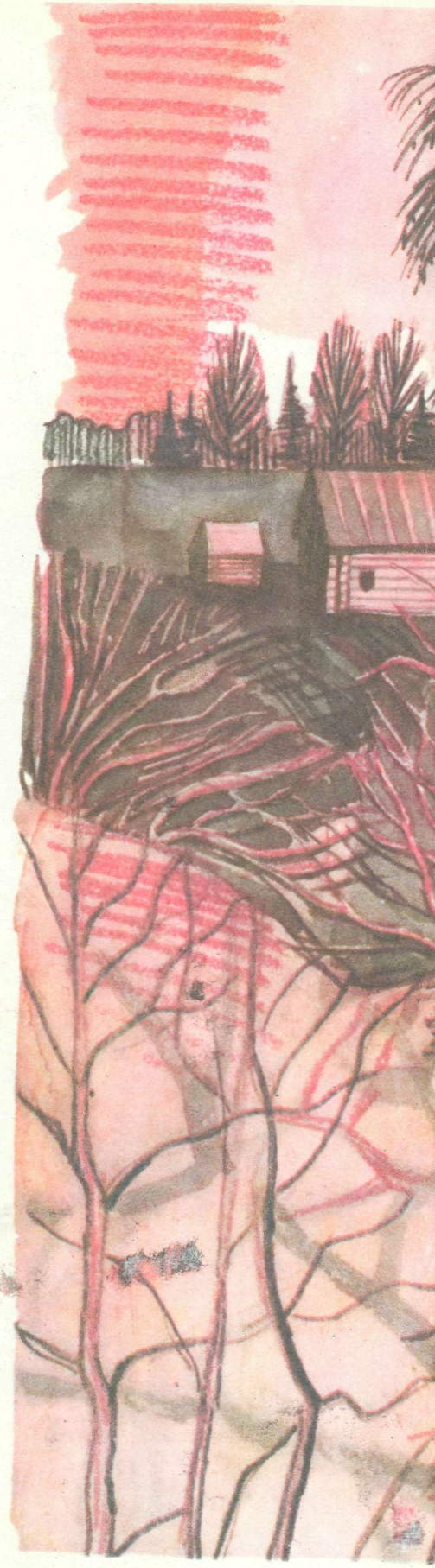
«Ко-ко-ко!» — ласково спросонья сказала курочка, когда он устроился рядом с ней между письменным столом и подоконником.

В эту ночь Миша спал мало. Должно быть, не раз заглядывал в соседнюю комнату к птицам. И проснулся он раньше птиц. Когда мать заворочалась в постели, он сказал:

— Такого петуха, мама, нельзя убивать. Лучше я рыбу буду есть, я и без диеты поправлюсь. Правда, мама? И курочку надо ему оставить. А то как же он без курочки будет жить на свете?..

— Правда, сынок, спи!

И на заре петух запел свою тысяча первую песню.



ЩУКА

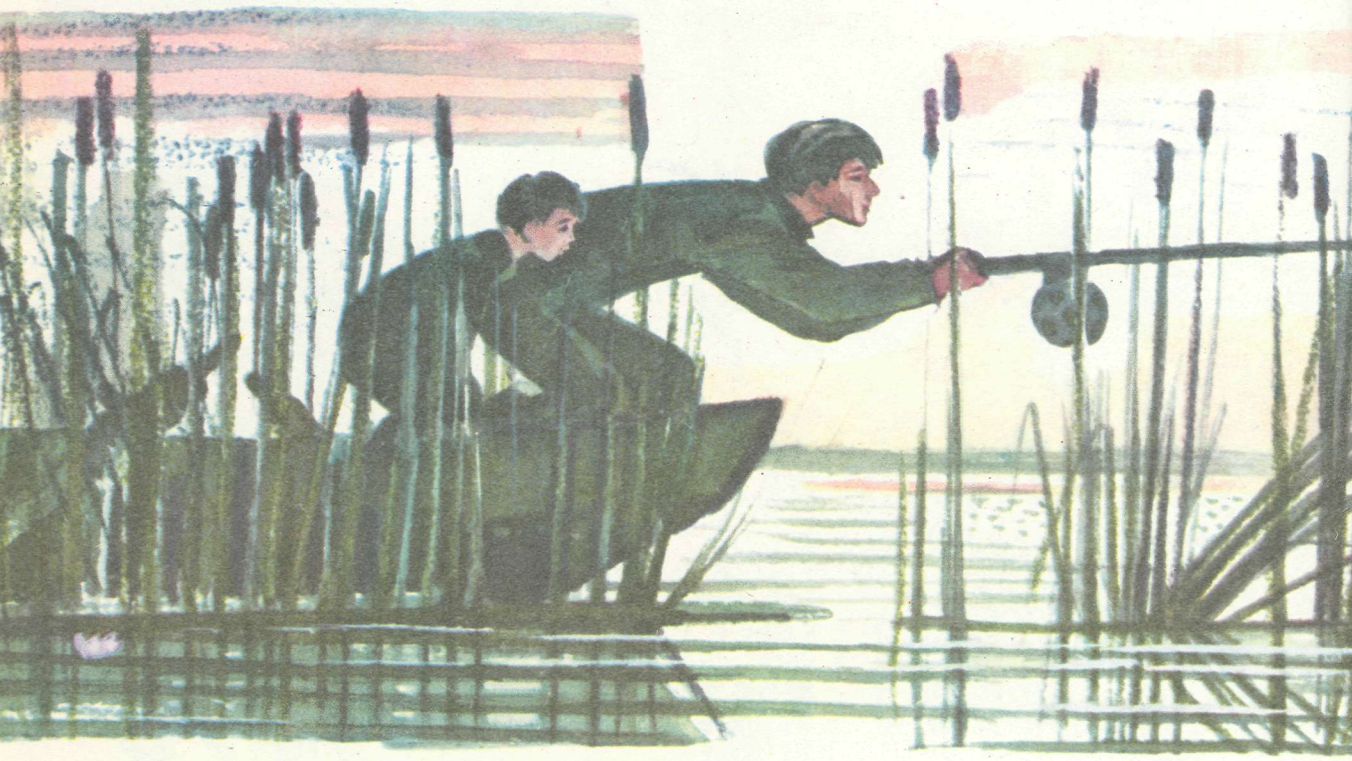
За месяц до отъезда из Москвы папа начал готовиться к рыбной ловле, и у нас не стало денег. Зато появились спиннинг в чехле, удочки в чехлах, садок для рыбы, сачок, наборы всевозможных лесок, поливиниловых и хлоридных жилок, разных блесен, в том числе даже для зимнего подводного лова (это в июле-то!), глубокомер, разные грузила, поводки, карабинчики, колечки, коробочки — чего только там не было! Приобретены были и резиновые рыбацкие сапоги-бродни с голенищами, которые подвязывались к ремню.

— Чем же я вас кормить буду? — говорила мать, обозревая все это снаряжение.

— На этот раз кормить буду вас я, — убежденно заявил отец. — Рыбой!

И вот началась ловля.

Уселся отец на берегу, разложил все свое хозяйство, опустил садок в воду, закинул удочки — нет рыбы. Посидел он с часок, свернул удочки, перенес все добро в лодку и выехал на середину озера, к тресте — так называют здесь озерную траву: хвощи, камыши. Слышал

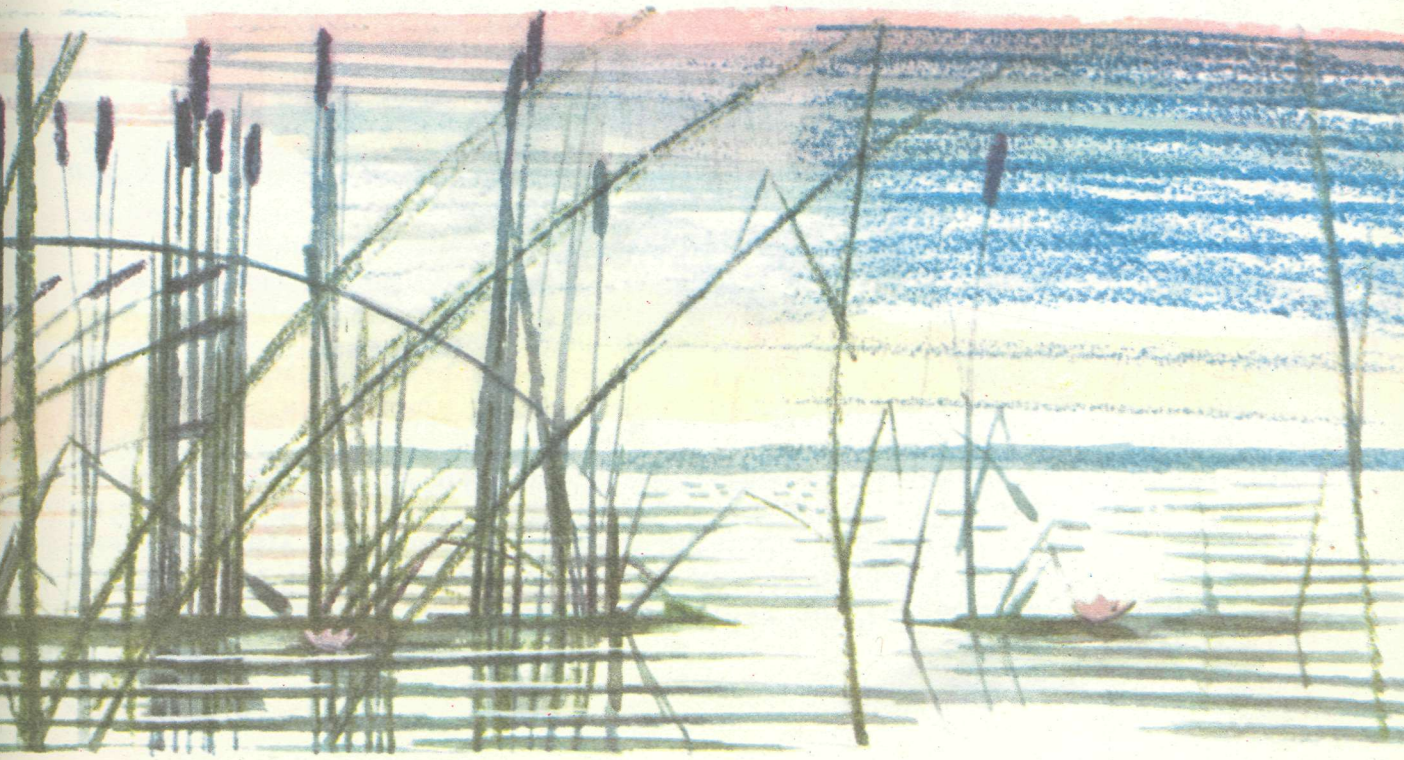


он, что где-то около травы на середине озера проходит каменная гряда, на которой хорошо берет окунь. Облюбовав местечко, отец опустил якоря — кормовой и носовой (это были шестеренки от какой-то машины и обыкновенный кирпич), закрепил лодку на месте и опять принялся за работу. Нет рыбы! Тогда он решил сменить червей: слыхал, что окунь любит красных червей. Вернулся отец на берег, разыскал глинистое место, накопал красных червей — загляденье, а не черви, один к одному! — и снова принялся за лов с неослабевающим азартом. Клюнуло. Вытащил несколько окуньков, каждый сантиметров на десять в длину, с трепетом опускал их в садок, но скоро заметил, что в садке окуньков нет. Оказалось, что ячейки садка таковы, что сквозь них легко проскальзывает и более крупная рыба.

Многое из закупленного отцом рыболовецкого снаряжения оказалось либо ненужным, либо непригодным. Но каждое утро он вставал на заре и снова отправлялся на рыбалку, как на службу.

— Плохо я сделал, что барометр с собой не взял, — сожалел он уже не в первый раз. — Вот посмотрел бы и знал, куда на сегодня садиться надо.

Отец от кого-то услышал, что рыба меняет места в зависимости от атмосферного давления: высокое давление — рыба стоит на мели, на



солнцепеках: понижается давление — она уходит на глубину. Конечно, без барометра какая рыбалка! Да и крючки оказались неподходящими — и великоваты, и не остры, и цвет у них не тот. Вот если бы раздобыть где-нибудь крючки норвежские, или чехословацкие, или датские — вот это крючки! Для таких и наживка не обязательна! А есть еще крючки с искусственными червями — класс!

— Папа, возьми меня хоть раз! — попросился как-то Миша.

— Тебе же скучно будет!

— Я тоже удить буду.

— Клев плохой.

— Надо же мне учиться.

Удочка у Миши маленькая, полутораметровая, а у папы составная трехколенная и с катушкой; леска у Миши — грубоватая, белая, поплавок простой пробковый, крючок мушечный, а у папы — леса цвета воды, поплавок с колокольчиком. Червяков своих Миша положил в спичечную коробку, а у папы черви в мотыльнице с отверстиями на крышке.

Измерил папа глубину озера, закинул свой автомат, вытянул ноги в лодке, положил в рот мятную лепешку, сидит посасывает, на поплавок поглядывает, ждет — не клюнет ли. Нет, не клюет. Закинул Миша свою хворостинку у самой лодки, потянуло его поплавок — течением, что ли? — под лодку, потом лег поплавок набок — испугался Миша, не зацепило ли, дернул и потащил по воде что-то большое да тяжелое — и удочка дугой. Папа вскрикнул, схватился за сачок, и если бы не сачок, не поднять бы леща в лодку. А лещ оказался здоровый, золотистый, шириной в две Мишиных ладошки. (После взвесили — килограмм шестьсот граммов.) Миша визжит, папа чуть не плачет от радости.

— Как это я успел вовремя сачком подхватить. Если бы не я, нипочем бы тебе, сынок, леща не вытащить на такую удочку.

— Ой, спасибо тебе, папочка! — кричит Миша. — Сейчас я всех вас буду рыбой кормить.

Три дня после этого папа не брал с собой Мишу.

— Мешает он мне! — говорил он.

Мама подумала и сказала:

— Кажется, мы и недели здесь не проживем.

Но папа не сдался, не покинул острова раньше времени, страсть его не остыла, только оставил он свои удочки и взялся за спиннинг.

Ловля на спиннинг забрасыванием с берега и с лодки удачи не принесла, хотя были перепробованы на авось десятки блесен. Тогда отец решил использовать спиннинг в качестве дорожки. При этой ловле важно удачно выбрать блесну и установить наиболее подходящую скорость, с которой нужно тянуть эту блесну за лодкой, чтобы игра

блесны напоминала игру рыбки. По-видимому, для каждой блесны скорости движения должны быть разные.

Поначалу отец сидел за веслами сам, и по этой причине, только по этой причине, щуки не шли на блесну. Тогда он пригласил за весла старшего сына.

— Сколько полагается распустить лески? — спросил Саша.

— Я сам не знаю, сынок. Попробую побольше.

Спиннинговая катушка раскручивалась бесшумно и быстро, и почти все пятьдесят метров жилки скоро были спущены за борт. Результат сказался немедленно — щука попалась на дорожку. Это могла быть только щука — рывок был мощным, катушка, поставленная на тормоз, затрещала сильно и нервно и не перестала трещать, пока отец не взвыл: «Назад, назад!», а Саша не дал задний ход. Весла скрипнули, вода забурлила, последние метры жилки размотались, удилище на мгновение выпрямилось, напряжение его ослабло, а потом дернуло снова, и оно опять пригнулось к воде.

Отец встал в лодке во весь рост.

— Наконец-то попалась! — торжествовал он. — Миленькая, не сорвись, миленькая, не сопротивляйся! Саша, греби назад, родненький, назад!

Лодка стала подвигаться в обратном направлении, жилка ослабла, и отец начал сматывать ее, то ускоряя, то замедляя вращение катушки.

— Только бы не сорвалась! — молил он. — Главное, сейчас не натягивать сильно, чтобы щуке губу не порвать. Или за что она там зацепилась? Ведь бывает, что щука не берет блесну, а просто идет рядом с ней и играет, и якорек прихватывает ее. Бывает, даже за живот или за спину зацепит. В таком случае все решает мастерство спиннингиста... Вот опять дернула, вот потянула!.. — переполошился он. — Только бы не сорвалась! Ну и щучка, я тебе скажу, сынок, ну и экземплярчик! Вот опять потянула. Греби сильней! Знать бы только, крепко ли она взялась?

Отец, по-видимому, совершенно отчетливо представлял себе, как огромная щука хапнула блесну, с остервенением сжимая сверкающий металл в мощных челюстях, рвала и метала и подвигалась навстречу лодке, как стальная торпеда: вот-вот взорвется, что-то тогда будет... У него выступил пот на лбу, лицо его было испуганным — и кажется, он не так боялся, что щука сорвется, как того, что ее, такую, придется в лодку поднимать.

— Главное, Сашенька, на сегодняшний день — поймать хоть одну, а там пойдет. Начать важно, чтоб перспектива была, чтобы мама веру в нас не потеряла. Бросай весла, сынок, давай сачок!

Саша бросил весла, леска сразу натянулась, отец изогнулся и начал выбирать ее руками. Саша опустил сачок в воду и ждал. Ему то-

же стало страшно. Наконец у самого борта лодки из воды всплыла небольшая разлапистая елка, украшенная, словно новогодними игрушками, зелеными водорослями, ракушками, тиной.

— Вот, — выдохнул отец, — так я и знал, что это не щука. Не похоже было. Щука, она рвет, дергает, а елка, понимаешь, просто тянет, тянет и цепляется, потому что лодка-то движется.

Саша тоже вздохнул с облегчением.

— Папа, — сказал он, — а может быть, щука все-таки была? Просто она метнулась на дно и сорвалась, а потом уже блесна зацепилась за елку.

— Представь себе, я тоже так думаю, сынок. Все-таки щука была, и не маленькая. Даже очень большая, прямо тебе скажу. Всегда с крючка срывается только самая крупная рыба, спросите об этом любого рыбака. И хорошо, что мы поволновались, пережили все это, хоть и не поймали щуки. Мы ее тащили — вот что важно! Когда первая схватилась, второй взяться будет уже легче. Значит, блесна хорошая и действовали мы правильно. Завтра начнем сначала.

На другой день они так же с утра ходили с дорожкой целый день, но, кроме травы и коряг, ничего им озеро не дало. А вечером пошли за молоком и попутно, когда уже ничего не ждали, ни на что не надеялись, поймали двух щук. Это было началом. Оказывается, и впрямь важно было начать.

Потом отец научился ловить рыбу и удочками. Мать едва успевала ее чистить.

— Теперь дней десять проживем наверняка, — говорила она.

Десять дней отец удил рыбу, не разгибаясь, с утра до ночи. Даже спать некогда было. А после десятидневного рыбного угара появились раки.

РАКИ

Утром по прибрежью мимо нашего дома пробрела группа деревенских ребятишек, напомнившая нам рыболовов с картины Перова. В мелкой воде ребята переворачивали камни, коряги, ощупывали руками всякие углубления в береге и время от времени чего-то клали в ведро. Что?

Мы к ним, к ведру:

— Что у вас?

А у них полведра раков.

— Значит, здесь и раки есть?

— Сколько пожелаете, — важно, по-взрослому сказал один из раколовов.

— Вот как, значит, их ловят!

— Да, вот так, значит, их и ловят!

— А вы любите есть раков?

— Кто же их ест? Мы их для наживки — окуни хорошо берут.

— Здорово! Но почему же мы тут живем, а раков не видим?

— Смотреть надо уметь!

Ребятишки ушли, а мы снарядили целую экспедицию и двинулись по отмели вокруг острова раков ловить. Вместо ведра взяли с собой садок, купленный в Москве в магазине «Спортсмен-рыболов» и предназначенный для рыбы, но для рыбы-то и непригодный из-за того, что у него слишком крупные ячейки: рыба чуть поменьше ста граммов из него просто вываливалась.

Но раков нигде не было. Мы их не видели. Мы привыкли видеть раков красных, а живые они были не красные.

Первого живого рака в воде увидела мать спустя несколько дней после этого.

— Я счастливая, — хвалилась она, — мне во всем везет.

Рак вылез из-под мостков, из груды камней, когда мать чистила свежую рыбу. Он был нетороплив и осмотрителен — вылез и пополз к рыбным остаткам, пополз нормально вперед, не назад. Мать ахнула от неожиданности, и он, видимо, заметил ее. Его хвост, знаменитая раковая шейка, вдруг быстро-быстро заработал, загребая воду под себя, клешни вытянулись, и рак поплыл, поплыл на этот раз назад, а не вперед, и быстро, как рыба, и мгновенно очутился у самого берега. Теперь его ничего не стоило взять. Но как взять? Чем взять?

На истошный крик матери: «Рак, рак!» — мы сбежались все, как если бы она закричала: «Волк, волк!»

Чем взять рака? Руками? Эге! Дураков нет, он живой! И пока мы гадали, мудрили, пока нашли сачок — рак исчез, уплыл от берега так же быстро, как рыба. Не такой уж он неуклюжий.

Но после этого случая мы стали видеть раков в воде: оказывается, очень важно было разглядеть первого. Потом от них уже отбою не было. Они попадались даже на удочку, когда мы ловили окуней на кусочки плотвы. Схватит рак наживку, клешнями поведет, ну, думаешь, сейчас вытянешь из воды какую-то большую рыбу, а это рак, только рак.

Ловлей раков мы увлеклись на несколько дней. О выезде со Сладкого острова опять и думать было нечего. Тревожило только то, что в Москве остались дочери, жалко было, что их нет с нами. Уж мы бы их попотчевали ухой, придумали бы путешествие и по Новозеру и по Андозеру, угостили бы их раками!.. А главное, некуда было бы

нам торопиться — вся семья в сборе. Оттого и торопятся домой, что там кто-нибудь ждет, кто-то остался.

По утрам мы заглядывали сначала под лодки, перетаскивали их с места на место и собирали раков под ними. Пользовались сачком. Но понемногу стали привыкать брать их руками. Это оказалось не так просто: надо было преодолеть условный страх перед ними. Рак пугал, поднимая свои клешни, и нападал. Но щипки его были слабыми: ухватится он за палец — его и вытащишь. Попробуйте!

Самым бесстрашным из нас оказался младший — Миша, на него условные рефлексы пока не действовали. Он только удивлялся, что живые раки оказались очень мягкими и что они умели быстро плавать.

— Это они скорости переключают! — пояснял ему Саша. — У каждого, видно, есть коробочка скоростей, как у машины.

Раков мальчики научились есть быстро, как семечки лущить.

КРАПИВНОЕ СЕМЯ

Недобрых людей в народе называют крапивным семенем. Немало на свете и самой крапивы.

Вокруг нашего дома крапива разрослась густыми большими кустами. Высокая, жирная, ядовитая, она не дает никому проходу. Я говорю сейчас о крапиве настоящей, подлинной, о крапиве в прямом, а не в переносном смысле. Молодую ее можно еще использовать для щей, а разрастется, загрубеет, не выполешь вовремя — тогда беда с ней. Берет верх, наступает, теснит, наглая, жжет! Житья не дает.

Каково же семя у этой, у настоящей крапивы? Кто его видал — это крапивное семя? Как оно растет, откуда берется? Хоть бы из интересу взглянуть на него. А попробуй взгляни! Как его возьмешь — жжется крапива. Пропадает у людей всякий интерес к крапивному семени. «Лучше не связываться!» — говорят. Сторонятся. И растет крапива рядом с жильем человеческим на самых обжитых местах, на самых тучных землях — под окнами изб, вдоль заборов и стен, на приусадебных участках, — растет на глазах у всех. Где люди, там и крапива. Растет и жжется.

А этим летом одолели нас еще комары. Погода стояла дивная весь июль — только бы радоваться ей, снять с себя всю лишнюю одежонку, загорать по целым дням с книжкой в руках, спать на открытом воздухе. А попробуй позагорай, когда вместе с хорошей погодой появи-

лись сонмища оводов. Попробуй поспи на воздухе, когда с сумерек, неизвестно откуда взявшись, налетают полчища комаров, как исчадия ада, как тьма тмутараканская, и всю ночь бесчинствуют, жалят, нудят неторопливо, лезут в нос, в глаза, в рот, в уши. Они изводят, выматывают все силы, а слабого да еще городского, не привыкшего с детства к такому комариному глумлению над человеком, они могут довести до истерики.

Перед сном мы топили плиту и наполняли всю квартиру дымом и нередко спали в дыму, потому что открывать окна для проветривания или снимать с них марлю боялись. Вдобавок мы натирались кремом «Тайга» — от чего он помогает, мы так и не смогли понять, только не от комаров, — и еще старались на ночь одеться так, чтобы открыт был один нос. Но, кажется, ничего по-настоящему не помогало. Комары грызли нас.

Было лишь одно радикальное средство против них — усталость. Усталость до смерти, до отупения, до апатии, до полного равнодушия ко всему окружающему. При такой усталости, а уставали мы в основном на рыбалке — чувствуешь комариные укусы только пока падаешь в сено.

— А, проклятые! Крапивное семя! — скажешь, бывало, добравшись до постели. — Ешьте! Все равно придет и на вас погибель. Время свое возьмет. И вас прихватит морозом, осень не за горами.

Скажешь и уснешь до утра.

А утром пригреет солнце, и комары исчезают. Куда? Да куда бы ни исчезали, только бы исчезли — вероятно, туда, откуда и появлялись. Не хватает еще, чтобы мы этим интересовались. Обидно только, что ни дожди, ни ветры не могут с ними покончить раз и навсегда.

Если бы не случай, так ничего и не узнали бы мы ни о комарах, ни о крапивном семени.

Как-то поздно вечером мы поленились или не успели почистить рыбу, и мать положила ее на ночь в крапиву. Утром за ней пришел Саша и взвыл:

— Там пчелы, рой! — закричал он.

А потом:

— Это комары! Сколько же их тут! Вот оно, крапивное семя!

Взяли мы палки и пошли вокруг дома по крапивным местам. Ударишь палкой по кусту — действительно комары. Ударишь по другому — и больше того. Но только в тени. На солнце днем комары не хоронятся, как, впрочем, всякая нечисть.

Так вот ты какое, крапивное семя!

Разыскали мы косу и скосили всю крапиву вокруг дома. Честное слово, легче жить стало. Только надолго ли? Разве всю нечисть можно извести? Только и надежды что на время — оно должно взять свое.

МОРЯКОМ БУДЕШЬ!

Лодки на Сладком острове — единственно пригодный и всеобъемлющий транспорт, на все случаи жизни. Ни машина, ни лошадь здесь не пригодны. Нет лодки — вы отрезаны от всего мира. Лодка является и орудием и средством производства.

На лодке мы добывали себе пищу: ездили за молоком на соседний остров Шиднем, за хлебом и прочими продуктами в Карлипки, на лодке ловили рыбу и просто катались, отдыхали.

Обычно за веслами сидел отец, старший сын на корме — либо с рулевым веслом, либо со спиннингом, который мы просто использовали в качестве дорожки; мать и Миша — на положении пассажиров и указчиков. Так как все лодки, находившиеся в нашем ведении, безбожно протекали, то либо мать, либо Саша постоянно на ходу вычерпывали воду. Для этого в одной лодке была банная деревянная шайка, в другой ржавое дырявое ведро, в третьей — белый ковш из дюраля без ручки.

По мере того как мальчишки привыкали к воде и взрослели, им разрешалось все чаще садиться за весла.

Миша тоже научился грести — уже по одному этому Сладкий остров должен запомниться ему на всю жизнь. Но Мише этого было мало. Он хотел, чтобы ему разрешили выходить на озеро одному, без сопровождения, без указчиков.

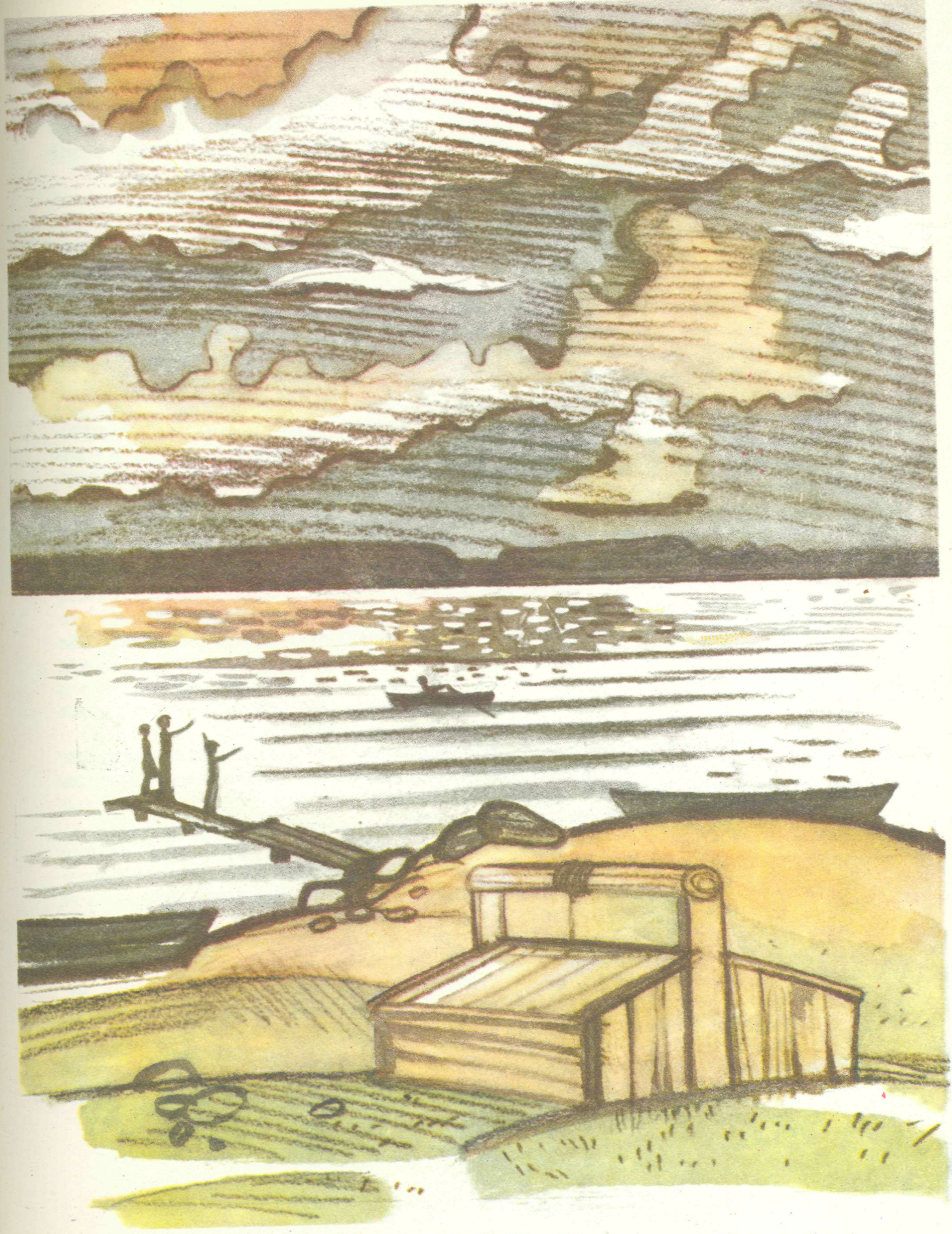
И ему разрешили наконец. Для этого случая выбран был очень ясный, очень тихий день. Только Новозеро отличается в этом отношении удивительным непостоянством. Ветер налетает здесь сразу, словно выжидает удобного случая где-то на берегу в лесной полосе. Налетает — и поднимаются на озере сразу не волны, а валы с гребешками, летит пена, свистят камыши. Говорят, такой же дурной характер и у Белого озера. Только оно еще дурнее. На Белом озере ни одного года не обходится без жертв среди рыбаков.

Весь наш остров продувается насквозь, так же как просвечивается, и кажется, пронесется ветер с одного берега на противоположный и — конец шуму. Опять озеро становится таким же, как было, — спокойным, углубленным в себя, сосредоточенным. Но за эти несколько минут шурум-бурума оно может наделать беды. Особенно, если лодка мала.

А у Миши лодка была небольшая и полусгнившая, к тому же Миша сразу захотел, конечно, похвастаться:

— Саша, смотри куда я поеду, на каменную гряду!

Направил Миша лодку к каменной гряде, к камышам на середине озера, а ветер тут как тут — вылетел из-за укрытия и давай шуровать.



Зашумели волны, вздыбилась пена, как в прачечной в корыте, летят хлопья в лодку. Испугался Миша.

А на берегу — мать. Не успела толком подумать, как быть, переполошилась и завопила:

— Миша, назад! Миша, утонешь! О, господи, и отца нет. Где отец? Миша, утонешь!

Услышал Миша крик матери, испугался еще больше. Разворачивает лодку к берегу, а ее захлестывает волной, справиться силы не хватает.

Заплакал Миша и оттого еще больше ослаб, весла из рук вываливаются, совсем мочи не стало. «Утонешь!» — звучит в ушах вопль матери. А тонуть ему не хочется, хочется в Москву вернуться, он еще и в школе не учился. Брызги водяные и слезы слепят глаза.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в эту минуту не появился на берегу отец.

Сложил отец руки рупором и закричал, будто ничего не случилось:

— Правильно, сынок, гребешь, хорошо гребешь! Ничего не бойся, ты теперь станешь настоящим моряком. Слушай меня! Держи лодку носом к волне, к берегу не поворачивай. Против волны греби. Не спеши. Ударь левым веслом, еще раз левым. Молодец, сынок, хорошо! Правильно гребешь!

Кричит отец, а сам вторую лодку с берега толкает. Стал Миша налегать на левое весло, перестали волны бить в борт лодки, и он успокоился.

— Я не боюсь, папа, ты не волнуйся, я сейчас! — закричал он.

Успокоился Миша, и озеро успокоилось, ветер стих, волны спали. И Миша благополучно причалил к берегу. Мать кинулась обнимать его, а отец только руку по-мужски пожал:

— Молодец, сынок, моряком будешь!

СУДАРЕВА ЛОДКА

Был один день, бедственный для Сладкого острова. Казалось, все рушится, вся его прелесть исчезает навсегда. Шестнадцатого июля, вслед за ленинградским полковником с семьей, приехали вологодские литературные деятели — два поэта, редактор комсомольской га-

зеты с семьей и директор областного издательства с семьей же — итого человек десять-пятнадцать. Ну, можно сматывать удочки — не будет ни рыбы, ни поэзии!

Но редактор газеты скоро уехал, потому что газету все-таки выпускать надо; полковник отправился добирать свой туристский маршрут, строго вычерченный на военно-топографической карте; самый юный из поэтов, Васенька, жаждал быть на людях, и только на людях, так сказать, в гуще борьбы, где «страсти роковые и от судеб защиты нет»; сыновья издателя подняли бунт против своего папы и сбежали в областной центр, потому что здесь не было ни футбольных ристалищ, ни джазового ерничества. За ними вскоре выехал и сам издатель с женой.

Остался с нами один поэт, настолько же неторопливый и мудрый, насколько немолодой. Он видел в жизни немало всяких роковых перемен, прошел, как говорится, огни и воды и знал цену одиночеству. Писал ли он что-нибудь, неизвестно, — в его положении редко кто пишет, и это, наверно, к лучшему. Он стал работать.

С соседнего, с Красного острова, он привел заброшенную лодку и начал ее ремонтировать. Топор был. Пила была — старая, ржавая, но пила. Были спички, чтобы разводить костер. Ну и, конечно, перочинный нож. Больше ничего не было. А требовалось многое: гвозди разных размеров, пакля, чтобы проконопатить лодку, битум или вар, чтобы замазать щели, запломбировать их, котел, чтобы варить битум, какой-нибудь черпачок для разлива смолистого варева. Как известно, даже Робинзон имел далеко не все, чтобы начать жить и работать на необитаемом острове, но все-таки имел гораздо больше, чем наш поэт.

Но главное, что необходимо было иметь для ремонта лодки, — самое лодку. Ее-то, как выяснилось после, у поэта и не оказалось. Но он усердно взялся за работу. На то он и был поэт, а не Робинзон Крузо.

Ранним утром поэт выходил из своего особнячка, крылечко которого напоминало предбанник, и, осмотревшись и потянувшись, скрывался за камышами. Нос у него обгорел и лупился. Вскоре его голова без единого всплеска отплывала от берега и повертывалась на воде, как на широкой тарелке. Ни одной волны, ни круга, ни даже ряби! Это было удивительно, потому что даже водомерки, скользящие по озеру, даже мотыльки, упавшие на его зеркальную гладь, и те оставляли за собой какой-то след, пусть мгновенный, незначительный... Поэт не оставлял после себя никакого следа, он не плыл, не порхал, а между тем продвигался вперед, вроде одноклеточного существа.

Он переливался, как амеба.

О том, что поэт не фыркал, не сопел, не отдувался, и говорить

было нечего. На поверхности озера не было ничего, кроме живой, бесшумно моргающей и бесшумно передвигающейся головы.

Сделав небольшой круг, голова возвращалась к камышам и исчезала. А через пять-десять минут оттуда снова выходил поэт, неторопливый, спокойный и просветленный. Кожа на его красном носу лупилась еще больше.

Чем, и когда и как питался поэт — одному богу известно. Рыбы не ловил, ягод не собирал, ни корней, ни червей из земли не выкапывал. Но он не худел и всегда был благостен и доволен собой — значит, какую-то пищу употреблял, кроме духовной.

Работал поэт с упоением, но не спеша. Нельзя было сказать, что у него сам топор вот так и ходит, так и тычет долото. Костер не потухал целый день. К костру поэт тащил все, что удавалось найти на острове и в воде. Так, в мусорной яме он обнаружил чугун с отбитыми краями, который заменил ему котел. Паклю натаскал из пазов домика, в котором жил. На подоконниках между летними и зимними рамами буграми лежала вата — он и ее использовал как паклю. Гвозди вытаскивал отовсюду, где находил их, даже из собственной табуретки, из-за чего та в конце концов развалилась. Из воды был извлечен ржавый металлический прут, им поэт пользовался как паяльником, когда заделывал битумом щели в лодке: прижмет кусочек битума к борту лодки и растапливает его каленым прутом.

Похоже, что эта работа давно была знакома поэту. Мы восхищались методичностью, с какой он проделывал одно и то же по нескольку раз, пока не добивался какого-то результата. Восхищались его терпеливостью и упорством.

— Труд на пользу! — сказал я как-то, подходя к костру.

— Спасибо. Но будет ли польза, еще неизвестно. О какой вы пользе говорите?

— О лодке. Спустите лодку на воду, и она будет служить вам.

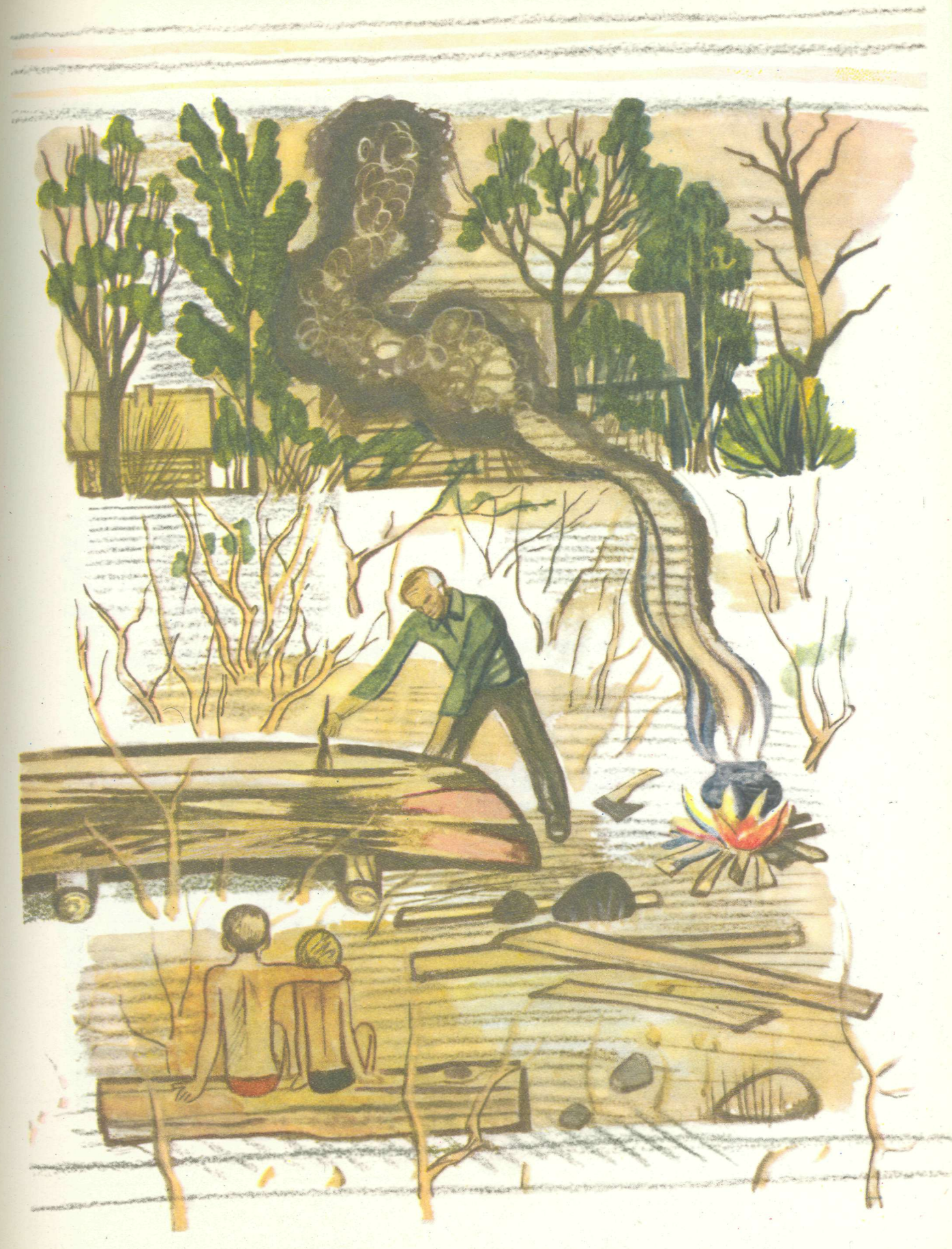
— Я на днях уезжаю. Вероятно, не успею закончить.

— А вы закончите. Другие сядут в лодку — о вас добром вспомянут. Вот и памятник нерукотворный.

— Зачем мне памятник. Сам труд доставляет удовольствие. Я о пользе не думаю. Просто работаю, и все тут.

Самым трудным для него было установить уключины, старые поржавели и погнулись. Поэт отыскал на поваленном и полусгнившем телеграфном столбе два крюка с изоляторами. Изоляторы разбил, крюки раскалил на костре и выпрямил. «Кузнец, настоящий кузнец!» — восхищались мы. Один борт лодки треснул, когда поэт забивал уключины, но это уже было не так страшно. К вечеру все было склеено.

Два дня ушло на то, чтобы вытесать весла. Для весел поэт снял



с крыши своего дома две тесины. «Столяр, настоящий столяр-краснодеревщик!» — восхищались мы.

Накануне отъезда с острова поэт заявил, что работу он все-таки успел закончить. Правда, сказал он об этом без воодушевления. А мы восхитились еще больше: дескать, для него это обычное дело. Старый мастер! Золотые руки!

Торжественно проводив поэта, всячески славя и превознося его, мы решили опробовать творение его рук и ума. Сели в лодку трое, налегли на весла, выехали на середину озера и... нахлебались воды. Гнилая лодка развалилась. Ненужная бессмысленная работа! Неужели он так и стихи пишет? Для чего, для кого?..

НЕ СОБАКА И НЕ КОРОВА

Моя сестра, возвращаясь однажды поздней зимней ночью с посиделок с прясницей и с горящим пучком лучины в руках, встретилась посреди деревни с волком. Должно быть, очень голодный, он сидел, скалил зубы — не хотел уступать ей дорогу.

— Ты, что, Шарик, с ума сошел? — прикрикнула на него девушка. — Пошел вон.

«Шарик» оскалил зубы еще больше и зарычал, глаза его нехорошо сверкнули. Сестра ткнула ему в морду горящей лучиной.

— Ошалел, что ли? Нет у меня ничего для тебя.

Волк отступил, прыгнул в сторону, в снег.

Когда всполошенные родители сказали моей сестре, что это был волк, а не Шарик, она удивилась и не поверила:

— Какой же это волк, когда он на собаку похож. Собака, она собака и есть!

Недавно в Подмосковье к нашей даче подошел лось. Он был так невозмутимо спокоен, с таким хладнокровием, даже равнодушием смотрел на меня, что подумалось: не ранен ли, не болен ли? Самая настоящая корова, домашнее животное.

Я быстро собрал своих ребятишек, крикнул жену, и мы толпой, всей оравой, двинулись к лосю за забор, в мелкий осинничек. Дети радовались: наконец-то они налюбуются диким зверем.

— Какой же он дикий, какой зверь? — возмутился я. — Захватите с собой хлеба побольше да соли, сейчас мы его будем кормить.

— Что ты, папочка?

— А вот увидите!

Мы осторожно, чтобы не испугать, подходили к лосю все ближе и ближе, а он повернул голову и смотрел на нас совершенно спокойно, без всякого интереса, даже как-то устало. Возможно, он думал, этот неприкосновенный владыка подмосковных рощ, стоит ли, дескать, связываться с этой назойливой мелкотой? Возможно, думал что-то другое. Только вид у него был до того домашний, коровий, до того ручной, что я совершенно осмелел, а вернее сказать, обнаглел — особенно с точки зрения лося.

— Тпруконь, тпруконь, тпруконь! — стал звать я его, как зовут в деревнях корову, и, протягивая вперед руку с густо посоленным хлебом, пошел к его влажной, к его мокрогубой коровьей морде. Иллюзия была слишком заманчивой.

Но, когда я подошел к нему совсем близко, когда до него оставалось не больше десяти шагов, и лось вдруг нервно переступил, я, должно быть, все-таки испугался его величественных размеров и особенно его огромной горбоносой чушки. А может быть, я побоялся, что лось, вдруг переступивший с ноги на ногу и на мгновение обернувшийся назад, убежит от меня? Во всяком случае, я остановился, замер. Затем решился и кинул хлеб ему под ноги.

Этого не надо было делать. Я забылся. Передо мной, конечно, был зверь, а не корова. Зверь, не уступающий в силе медведю.

Лось не побежал от меня, а бросился на меня. Он решил, что я на него нападаю, и сам пошел в атаку. Но бросился на меня он не быстро, без ярости, без воодушевления, лениво, только затем, должно быть, чтобы образумить наглеца и отвязаться от него.

Я закричал. Еще сильнее и, вероятно, еще менее красиво закрича-

ли мои дети, моя жена, моя семья. И лось не тронул нас. Он повернулся и, широко раскидывая в сторону огромные голенастые задние ноги, не спеша скрылся в осиннике. «Ну вас к богу, лучше не связываться!» — казалось, сказал его белый короткохвостый зад.

— Какая же это корова, папочка! — испуганно упрекали меня дети.

— Да ведь очень уж похож на корову, совсем ручной!

НОВАЯ СЧИТАЛКА

Мы с Мишей играли на берегу Новозера в прятки. Пользовались считалкой про зайчика:

...Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Ай-ай,
Ой-ой,
Умирает зайчик мой!

— Жалко! — сказал Миша.

— Кого?

— Зайчика.

И мы с Мишей решили тут же пересочинить детскую считалку так, чтобы зайчик не умирал.

Предлагаем нашим друзьям новый, оптимистический вариант старой считалки:

Раз, два, три, четыре, пять.
Вышел зайчик погулять.
Кто-то в зайчика стреляет —
Он бежит, не умирает.
Не желает умирать!
Раз, два, три, четыре, пять.

Миша несокрушимо верил в силу слова.

— Теперь зайчиков в лесу будет много! — сказал он.

— Оптимистическая считалка!

— Что это такое, оптимистическая? Я просто зайчика пожалел. А так, конечно, охотник его все равно убьет.

СВОБОДА

Миша очень скоро понял, что означает: «Свобода — есть осознанная необходимость».

— Значит, понял? — переспрашивает его мать.

— Понял.

— Делать зарядку по утрам для тебя так же необходимо, как посещать школу, учить уроки... Понимаешь?

— Конечно, понимаю! — соглашается Миша и упрямо твердит свое: — А если неинтересно?

— Родной мой! — теряет терпение мать. — Но это же необходимость. И ты ее осознал. Ну давай начнем!

— Необходимость есть, а свободы нет, — отвечает Миша. — Свобода — это когда интересно.

Мать чуть не плачет от досады:

— Голуб-чик мой!..

Но Миша не собирается уступать. Он повторяет:

— Свобода — это когда интересно.

Мать задумывается и с любопытством смотрит на сына, словно впервые видит в нем живого человека.

— Если так, давай придумаем что-нибудь, чтобы тебе интересно было, — предлагает она.

— Давай!

— Дома будем делать зарядку или пойдем в сад?

— Лучше в сад.

Маме лет сорок, она стройна, крепка, в сад вышла в легком пижамном костюме и в тапочках. Миша — в трусиках, без майки, босиком.

В саду прохладно от росы. Птицы в кустах и на деревьях поют усердно, будто согреться хотят. Солнце едва-едва отделилось от горизонта и продирается сквозь лес — в небо, к простору.

— Становись! — командует мать, утверждаясь ногами на песчаной тропинке.

Миша становится рядом с ней.

— Будем делать то же, что мы делали раньше... — говорит она.— Руки вверх!

— Ну, вверх, — вяло поднимает руки Миша.

— Говори: «Небо!»

— Небо! — с удивлением повторяет Миша. — Вижу небо!

— Руки вниз. Говори: «Земля!»

— Земля! Земля! Земля!

— Руки в стороны. Вот оно — «Море!»

— Море! — не возражает Миша.

— Поворот вправо. «Горы!»

— Горы! — уже кричит Миша и добавляет: — Ого! А что влево?

— Поворот влево! — командует мать. — «Поля!»

— Поля! — восхищается Миша. — Вот здорово!

— А теперь давай снова.

Все упражнения проделали во второй и в третий раз. На четвертый раз Миша разочарованно:

— Опять то же?

Мать растерялась:

— Тогда придумывай сам.

И Миша стал придумывать сам:

— Птицы в небе! Самолеты! Опять птицы!

— Трава зеленая! Цветы!

— Лес вокруг! — кричал он.

— Олени в горах!

— Хлеб растет!.. Васильки!

На следующее утро Миша сам потянул маму в сад на зарядку. Он приволок с собой прыгалки, мяч и разные палки.

— Хочешь, — предложил он, — мы сегодня поиграем в чехарду?

Должно быть, Миша не ожидал, что мама согласится. А мама согласилась:

— Чехарда так чехарда! Та же зарядка...

Миша искренне удивился и обрадовался этому.

— Ну вот видишь, — сказал он маме, — теперь и ты понимаешь, как хорошо, когда свобода. Теперь и тебе интересно.

КАМЕННАЯ ГРЯДА

Всю жизнь ищет каждый свою каменную гряду, каменную гряду жизни. Не всякий ее находит.

Умелый выбор места для ужения — едва ли не самое главное в мастерстве рыболова. Отец обычно уезжал в камыши к соседним островам, либо на середину озера, где также торчала трава из воды, либо на противоположный берег.

Кто-то сказал, что посередине озера проходит каменная гряда; называли ее даже окуневой. Но где она — никто не открывал. Отец искал ее настойчиво, он готов был промерить шестом все озеро вдоль и поперек, но где взять шест такой длины? И что это за гряда такая — каменная, окуневая? Вероятно, не зря люди секретничают, скрывают ее?

Нападешь на гряду — вернешься с ведром пятисотграммовых окуней. А то и по килограмму красноперых наберешь. Вот что такое гряда! Вот где душу бы отвести! В надежде на такую удачу можно бродить по озеру целый день и забираться в отдаленные уголки за два-три километра.

И отец бродил далеко. С утра он исчезал, и мы не видели его по целому дню.

А однажды к нашему дому подошли другие рыбаки, колхозники с неводом. И за несколько минут поймали у нас под носом, прямо у мостков, где мать обычно белье стирала, несколько пудов лещей и щук. Закинули они невод с лодки, полукругом, один конец на берегу и другой подвели к берегу, а потом все вышли из лодки и стали вытягивать невод на берег за оба конца. Невод — это длинная однорядная сеть мелкой вязки с кошелем посередине. По низу сети подшиты грузила — во всю длину холщовая кишка, набитая песком, а чтобы верхняя часть невода не тонула, она оснащена поплавками — деревянными пластинками и берестяными трубочками.

Я не назвал бы прогрессивным способ ловли рыбы неводом, но зато он добычлив: несколько заметов — и весь колхоз обеспечен. И времени на это уходит немного. А в горячую пору сенокоса время все же ценится.

Как горевал отец! Волос на себе, конечно, он не рвал, но неистовствовал в полную силу и заново пересматривал всю свою жизнь.

— Вот, — говорил он, — всю жизнь так. Все куда-то рвешься, бежишь, летишь, а на поверку выходит — никуда лететь не надо. Недаром сказано: не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Неисповедимы пути наши. Темна вода в омутах. Хочешь больше — ничего не получаешь. Не жадничаешь — и жить легче и удачи — вот они! В детст-

ве так же бывало: спешишь за грибами, за ягодами в Лубники, в Городцы, в даль несусветную, там, дескать, всего много, а какая-нибудь бабка костыляет около деревни, около твоего же дома, и — что тебе грибов, что ягод! Ну, не обидно ли: всю рыбу забрали у нас под носом, у нас на глазах. Нашу рыбу! Можно сказать, собственную, домашнюю нашу! Даже не выловили, а выгребли, будто из аквариума вычерпали. Только представить себе, что около нас все дно теперь пустое, голое. Даже раков подмели всех до одного, даже ракушки на дне не осталось ни единой. На этом берегу и жить теперь неинтересно. Переселяться надо куда-нибудь.

Неводом впрямь выгребли все живое, что оказалось в этот час на дне вблизи нашего берега. В илистой грязи, в тине вместе с крупными рыбами барахтались раки, бились десятисантиметровые окуньки и подъязки, плотва и ершики — всякая мелочь и молодь. Полупудовые щуки в этом черном месиве выглядели, как огромные плахи на паровозном тендере.

А рыбаки были недовольны.

— Откуда столько грязи взялось? — ворчал то один, то другой.— Совсем недавно чистое дно было. Видно, ветер нагнал. Вся рыба ушла под невод с этой грязью.

— Как — вся рыба? А это что?

— Ну, какая это рыба — пуд, два, не больше.

Отец нервничал целый день, ночью плохо спал, обижался на самого себя. А утром снова отплыл с удочками в какой-то кривоколенный озерный переулок.

Саша и Миша никуда не пошли и не поехали, а с разрешения матери привязали свою лодочку к траве метрах в трех от берега, как раз там, где вчера колхозники зачистили все дно неводом, и начали таскать лещей точно таких же, какие в невод попали. И Саша решил:

— Как быстро рыба растет. За одну ночь и — лещи!

МАМИНЫ СКАЗКИ

УТРО

Миша лег в постель и просит:

— Мама, расскажи сказку!

— Но сейчас поздно, — отбивается мать. — Все сказки на покой ушли, в камыши спрятались.

— Как это? — удивляется Миша. — Разве они птицы или рыбы?

Миша удивляется притворно, он только делает вид, что всему верит на слово, а на самом деле он все понимает.

— Как это — сказки спрятались? — переспрашивает он.

— А вот так. Встань завтра пораньше, выйди на берег и, может быть, увидишь, как сказки начнут из камышей выплывать. Может быть, они и тебе покажутся. Только пораньше встать надо, засыпай скорей.

— Хитрая ты, мама! — говорит Миша, все понимая.

Но поутру он поднялся раньше всех и, наскоро одевшись, вышел к озеру. Ноги сразу стали мокрыми, влажный холодок проник под рубашку, на руках выше локтей появились гусиные пупырышки. Небо чуть-чуть порозовело, но сзади острова, за спиной Миши, поэтому казалось, что утро еще не наступило. Миша спрятался за кустиком на против камышей и стал ждать.

Долго ничего не происходило. Густой белый туман над озером побелел еще больше и начал медленно передвигаться. Вдали за озером объявились верхушки деревьев, только верхушки, до этого лес не был виден совсем. Говорят, что утром туман поднимается. Как же он поднимается, если из тумана сначала показались верхушки леса?.. Значит, туман не поднимается, а опускается, уходит в воду. «Хитрые!»— думает Миша.

Крякнула утка в камышах. Очень интересно крякнула, громко. Еще раз крякнула. Может, она не в камышах, а где-нибудь на чистом месте, только из-за тумана ничего не видно и кажется, что она в камышах. Утром каждый звук далеко-далеко слышно. Опять крякнула утка. Как-то странно она все-таки крякает... «Не обманешь! — говорит про себя Миша. — Это самая настоящая утка, а никакая не сказка!»

Почти у самого берега плавают круглые листья, словно зеленые тарелочки, и между ними белые твердые цветы. Это водяные лилии, их очень много. Одни совсем распустились, а есть такие, что как маленькие зеленые горшочки с трещинками. А в горшочках белое молоко.

Лилий становилось все больше, они видны уже за камышами, потому что туман уходит в воду. Утром цветы, наверно, холодные и хрупкие. Миша вспоминает, что лягушка-царевна со стрелой во рту сидела около вот таких лилий. А где это он ее видел и когда? Но видел же ведь точно, без обмана.

Миша почти не дышит и внимательно вглядывается в чашечки цветов на озерной глади. Тихо-то как! И вдруг из воды, прямо из воды, на глазах у Миши вылезает новый цветок и развертывает во всю ширину свои лепестки. Да нет, Мише это не показалось! Так вот прямо взял да и развернулся целый белый цветок, хоть кричи. Это же удивительно! Это же здорово!

Но Миша не закричал и даже не пошевелился. И правильно сделал. А вдруг это не цветок вовсе? Вдруг это и есть сказка, самая настоящая? Скрывалась всю ночь под водой, а когда пришло время, когда посветлело да потеплело, она и появилась и развернулась. Ух, ты!

Потом из камышей выплыла утка. Нарядная, разноцветная и большая. Очень большая. И глаза у нее черные, блестящие, как пришитые круглые пуговки. Миша никогда не видал дикую утку так близко. Только вот в чем дело, если бы утка была далеко, то, конечно, это была бы утка — понятно. Дикие утки все боязливые, дикие. Но эта совсем рядышком, ну просто невозможно как близко. Разве могут настоящие утки подплывать к человеку так близко? Не могут — в этом все дело. Это же сказка! Видно, мама не обманывала его. Хитрая! Конечно же, это и есть сказка, да еще с серыми утятами — вот они!

Утята, серые комочки, выкатились из камышового тростника, как из глухой таежной трущобы, и заскользили вокруг своей матери, брызгаясь и попискивая. Они были очень похожи на куриных цыплят, только сказочные и катышками катились не по земле, а по воде.

Теперь Миша уже во все мог поверить. Он сидел как завороженный, как зачарованный и ждал: что же будет дальше?

А дальше было вот что: утка исчезла, утята исчезли, и на воде появилась змея. Это была третья сказка. Черный уж плыл по озеру, извиваясь, тела его не было видно, над водой торчала одна черная голова, но почему-то само собой разумелось, что и сам он весь черный. Черный змей плыл по воде, а след за собой оставлял красный, почти кровавый. И Мише стало страшно. Но когда он обернулся, словно хотел найти защиту, то увидел, что с другой стороны острова всходит красное солнце и потому все вокруг становится розовым и красным. Зеленые листья на деревьях побагровели, будто осенью; травяной луг покрылся цветами, на оконных стеклах заиграли отсветы огня, словно в каждой избе затопилась печь. Лодка, стоявшая у мостков, с веслами, опущенными в воду, вдруг стала прозрачной, и вокруг нее заиграли солнечные зайчики. Порозовели даже камышинки на воде, и в этих густых розовых зарослях запела птичка. Вероятно, это была птичка, кто же еще?.. Но какая?.. А черный змей уже доплыл до берега и пропал. Все как в сказке! Начинался день.

Миша встал на ноги. Начинался день, и он хотел идти домой. Наверно, мама заждалась его, волнуется. Не может быть, чтобы она не заметила, когда он уходил из дому. Но в это время на озере кто-то громко чмокнул. Миша замер. Опять кто-то чмокнул — смачно, влажно. Целуются? Нет. Скорее, кто-то чавкает. Все как в сказке. И поет, поет птичка в камышах.

Чавканье продолжалось. Миша стал догадываться, что под зелеными тарелочками лилий рыба ловит ртом воздух. А может быть, это

не рыба? Как же не рыба, если ее даже видно? И зеленые тарелочки вздрагивают и покачиваются после каждого поцелуя.

А здорово было бы, думает Миша, если бы сейчас вдруг приплыла к нему щука и спросила: «Чего тебе надобно, Миша?» А он бы ей: «По щучьему велению, по моему хотению...» Вот бы все ребята удивились! И девочки тоже! И мама бы с ума сошла! И папа бы... И Сашка...

— По щучьему веленью, по моему хотенью, — шепчет Миша, — чего бы мне такого пожелать?

Огромная щука подплыла к самому берегу, и Миша ее увидел, но у нее была такая пасть, что ни с каким делом обращаться к ней он не захотел. Это была не та щука, эта щука была из страшной сказки.

— Миша! Где ты? — звала его мать. — Не заснул ли где-нибудь?

Нет, Миша не заснул. Разве можно было бы столько всего увидеть и услышать, если бы он заснул.

— Иду, мама! — крикнул он, и сразу все сказки исчезли, и страшная щука уплыла от берега. Только невидимая птичка все пела и пела в камышах, хорошо пела. Она так и не показалась Мише. Наверно, это была самая интересная сказка.

ГРИБНЫЕ ШАШЛЫКИ

На Сладком острове наша мама с утра до вечера чистила свежую рыбу. Бывало, только управится с одной порцией окуней — мы несем вторую, больше первой. Разделает щук — мы ей подбрасываем лещей да налимов. Исколола она себе руки и наконец взмолилась:

— Не могу больше, дайте передохнуть!

Особенно трудно было маме с заготовкой рыбы впрок. Для засолки не хватало посуды, а сушить на плите, без всяких приспособлений — муторное дело: плита раскалена, рыба на ней не сохнет, а горит. Разумеется, мы не перестали ловить рыбу, а в ответ на ее мольбы и почти истеричные слезы взяли удочки и снова ушли на озеро.

Не управлялась наша мама с рыбой.

То же самое получилось и с грибами. В грибную пору мы почти перестали спать. От жилья до ближайшего леска не больше половины километра, и обычно нам еле хватало этого расстояния, чтобы протереть глаза да прожевать утренние бутерброды.

Кто знает, как возникает, с чего начинается страсть? Первое время мы охотились только за белыми да за рыжиками и возвращались домой с полупустыми корзинами. Терпения и настойчивости

было с избытком, умение накапливалось с каждым выходом, но корзины не становились полнее. В чем дело? Неужели грибы в лесу перевелись? Мы изощрялись, лазили в самые густые кусты, куда не забирался ни один грибник, обследовали придорожные канавы, не брезговали уже ни сыроежками, ни волнушками, не отказывались от любых корней. Но все-таки грибов находили мало. Их стало много, когда мы узнали, что в лесу на каждые два десятка съедобных грибов приходится не больше одной поганки. Значит, мы топчем съедобные грибы только потому, что не знаем их.

В здешних местах все неизвестные грибы называются: собачьи губы. Их даже в руки брать брезгуют. Зато подберезовики называют здесь обабками, подосиновики — красными грибами, боровые рыжики — бабаухами, волнушки — вóвденицами. А собачьими губами оказались и вкуснейшие опята всех видов, и удивительные сочные чушки, или свинушки, или дуньки, — где как их назовут, и белые, как грузди, ореховики, и конечно, лисички, сморчки, чернушки... О грибной лапше, о трюфелях и говорить не приходится, здесь о них просто не слыхали.

А мы вычитали из книжек, что даже мухоморы многие вполне пригодны для пищи. Вот когда лес заговорил с нами и открыл нам свои кладовые. Чем больше узнавали мы грибов, тем полнее становились наши корзины и ненасытнее страсть. Теперь радостям нашим не было конца. Не радовалась только наша мама.

Первая ее работа была — выкидывать из наших корзин все собачьи губы. Делалось это втайне от нас. При этом она хвалила нас за хороший улов. Затем она сортировала остатки нашей добычи, раскладывая ее на три кучки: для соления, для варения, для сушения. Солить было почти нечего, так как рыжиков мы приносили незначительное количество, а груздей вообще не находили. На варево шли старые подберезовики и подосиновики, огромные и рваные, как ошметки, как лапотные обноски, да изредка белые царские грибы, похожие на заплесневевшие пироги-колобаны. Зато сушить было что. Но как сушить, где сушить? И начались мучения, как с рыбой.

Хорошо тем, у кого есть широченная русская печь, за челом которой на поду, как на мощеном дворе, может развернуться любая телега. А если вместо пекарки в доме только плита, а в городском доме и плита не дровяная, а газовая, тогда как быть?

У нас плита дровяная. Пока ее топишь, она раскаляется докрасна, закроешь трубу — с полчаса еще не остывает, а через полчаса хоть снова топи, в духовке даже заварка чая в фарфоровом чайнике через полчаса становится теплой, как помои.

Мать поначалу раскладывала грибные шляпки прямо на чугунную доску плиты. Они мгновенно пускали сок, пузырились, закипали и не сохли, а варились. После этого она попробовала нанизывать

грибы на нитки и развешивать их над жаркой топящейся печкой. Работы было много, а толку мало, потому что требовалось, чтобы печка топилась беспрерывно день за днем. К тому же и нитки то и дело обрывались. Тогда мать раздобыла камышовой соломы и, застлав ею внутренность духовки, раскладывала грибы на камыше. Получалось неплохо, но велик ли под у плиты? На нем умещалось самое большее десять хороших шляпок и столько же корешков в промежутках. Забраковав и этот способ, мама стала в тупик: требовалось что-то придумать новое, а что? На солнышке, что ли, развешивать грибные цепочки? Так ведь осень, когда его, солнышка, дождешься? Да и выглянет ли оно или нет? А может, просто под навесом, на воздухе попробовать? Заготовляет же белка грибы на зиму и сушит их на воздухе, в том же лесу... Нанизывает она по грибочку на сучок и — ничего, получается. Накалывает на сучок по грибочку... Накалывает...

Мало-помалу мама нашла способ сушить грибы, вышла из положения. Она стала накалывать грибы на лучинки, как шашлык на палочке, и раскладывать эти палочки в духовке на боковых ее выступах, предназначенных для противня. Грибы просыхали быстро и хорошо, не подгорая, не теряя соков. Мы так и назвали палочки «грибными шашлыками».

— Может быть, и лучку добавлять надо между белыми шляпками по нескольку кружочков? — спросил отец. — Чтобы уж шашлык так шашлык!

Грибные шашлыки выручили нас всех. Теперь мы, не боясь ничьей воркотни, могли по целым дням собирать грибы, а мать обрабатывала их быстро и надежно, даже с охотой. Видно, шашлыки готовить все же интереснее, чем просто грибы сушить.

Записал я сейчас эту историю и задумался: а для чего, собственно, я ее записал?

А может, не «для чего», а «для кого»? Может, мою заметку и впрямь прочитает не одна домашняя хозяйка и будет при случае сушить грибы точно таким же простым способом, как я описал. А от них научатся другие, и пойдет... И получится, что я все-таки послужу своей заметкой о грибных шашлыках народу и не думая, что служу...

ЖУРАВЛИ, ИЛИ СИЛА СЛОВ...

Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе.

Когда с полей убирали хлеб, поля становились шире и светлее,

чем прежде, горизонт отодвигался куда-то вдаль. И над этой ширью и золотом появлялись треугольники журавлей. Для детей это время птичьих перелетов всегда празднично. Мы выбегали из домов, неслись за околицу и кричали вдогонку журавлям:

Журавли, журавли,
Выше неба и земли
Пролетайте клином
Над еловым тыном,
Возвращайтесь домой
По дороге прямой!

Или много раз повторяли, приплясывая, одни и те же слова:

Клин, клин-журавлин,
Клин, клин-журавлин!..

Птицы шли по небу ровно, спокойно, красиво.

Но находились озорники, которые не желали добра птицам, хотели расстроить их порядок. Бывало, какой-нибудь босоногий заводила вдруг вопил истошным голосом:

Передней птице
С дороги сбиться,
Последнюю птицу —
Вицей, вицей.
Хомут на шею!
Хомут на шею!

Переднему хомут на шею,
Заднему головешку под хвост!

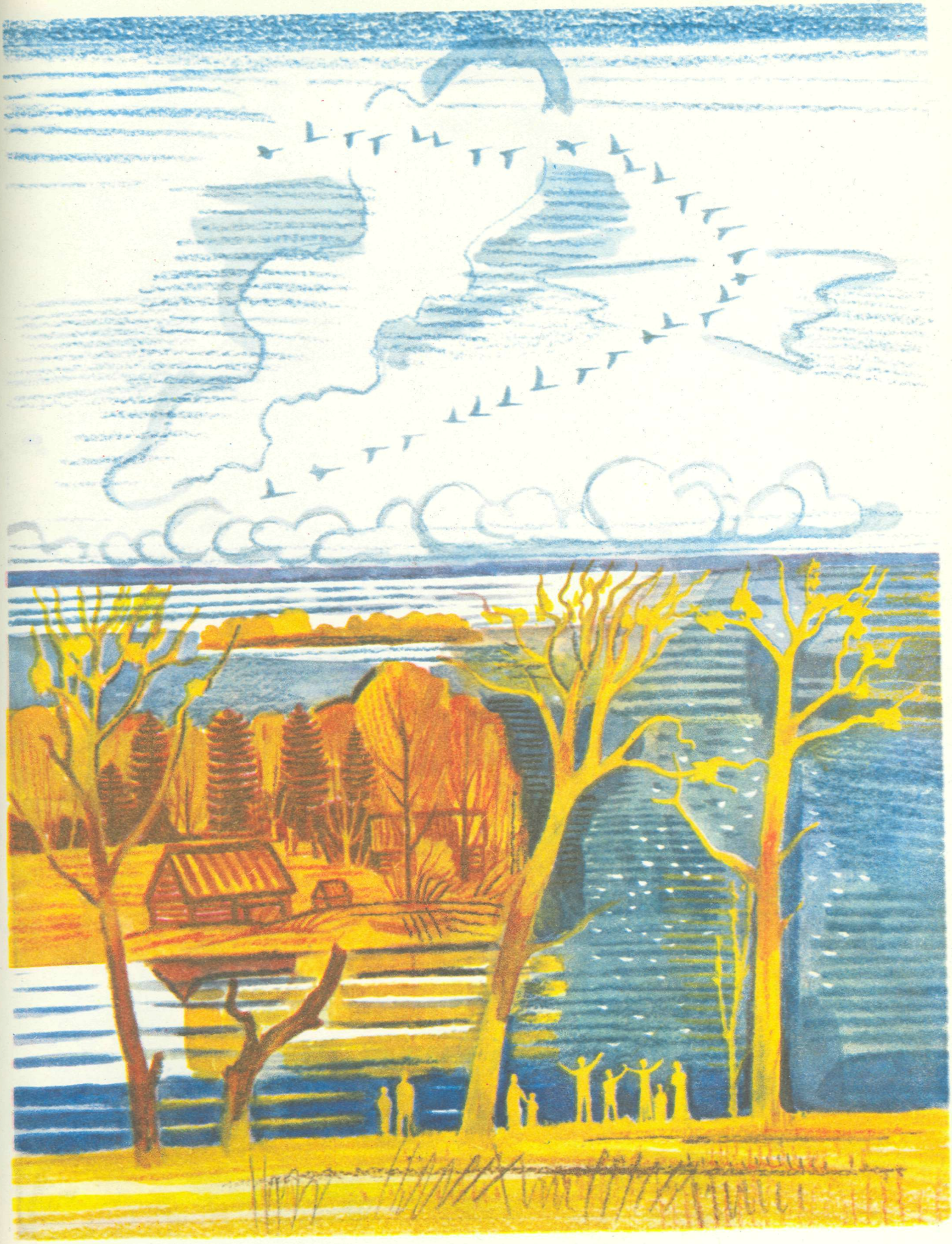
И часто журавлиный треугольник неожиданно начинал ломаться, птицы, летевшие сзади, рвались вперед либо уходили в сторону, а вожак, словно испугавшись, что он остался впереди совсем один, круто осаживал, делал поворот и пристраивался в хвост колонны. Мы удивлялись силе наших слов, визжали от удовольствия. Но кто-нибудь из взрослых давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

Клин, клин-журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнивались.

И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди затяжные, упрямые начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету недоставало даже в полях, и утром и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость про-



низала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню, на луговую отаву. Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам. Где же «бабье лето»? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах? Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели...

Но вот выдался солнечный денек. Потом другой, третий... И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно желтые. Как-то утром, проснувшись, дочка моя глянула в сад на засверкавшую всю осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закружилась и листва в воздухе, облетели осинки, березки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и, откуда ни возьмись, на опушку рощи выступили вдруг елочки.

А солнце с каждым днем становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглянет, как начнет наводить порядок — не налюбуешься, не нарадуешься.

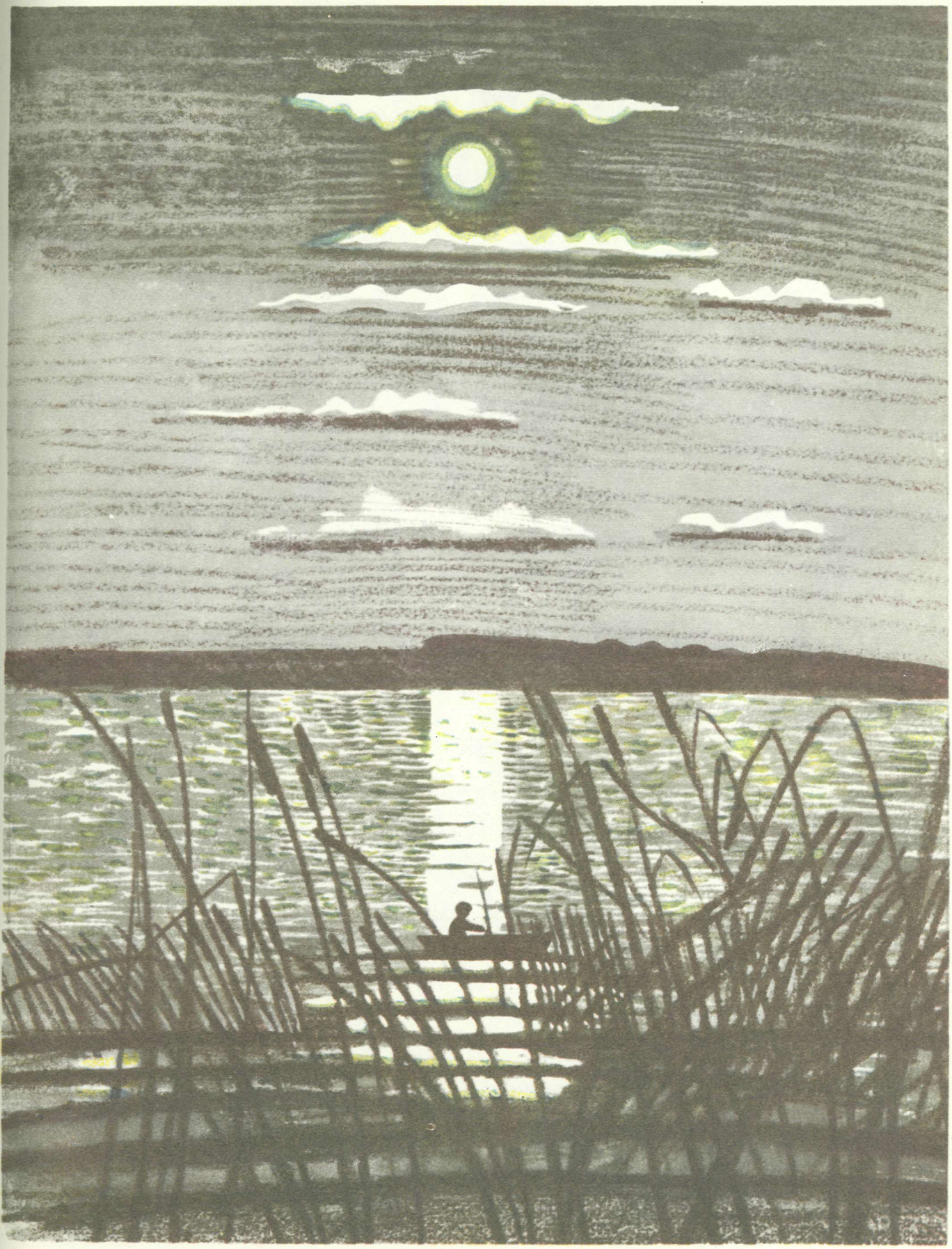
Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Все-таки взяла осень свое и на этот раз: появились над полями птичьи треугольники. Странным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Все устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить и жить, а вот улетают...

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу — нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту. Словно самолет пронесся близко — завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребятишки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал — правда негромко, почти про себя, но все-таки вслух — шептать слова, которые знал с детства:

Клин, клин-журавлин!
Летите не сбивайтесь,
Домой возвращайтесь!
Путем-дорогой!

И вот уже выправились журавли моего детства, угомонились их всполошенные голоса, и, благодарные, полетели птицы все дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путем-дорогой.



ЛУННЫЙ МОСТИК

Вечером сидел Миша на берегу озера. Днем озеро казалось совсем мелким, а сейчас в него заглянуло небо, и Миша увидел, что у озера, как у моря, дна нет.

Мише вдруг захотелось попасть на другой берег, где люди с косами шли с работы, где коровы мычали, возвращаясь с выгона, и трудились грузовики с сеном. Но как попасть?

Тогда вышла на небо луна и раскинула перед Мишей светлый, будто тесовый, мостик:

— Беги, мальчик, не бойся, вот твоя дорожка с острова на большую землю!

Весело стало Мише, вскочил он, кинулся к берегу, чтобы перебежать через озеро по лунному мостику. Но за Мишу испугался ветерок: пожалел его, дунул из-за кустов и раскидал, разрушил лунный мостик.

— Не верь, мальчик, луне, возьми лучше лодку. Вон в камышах лодка стоит.

Послушался Миша, спустился к лодке, сел за весла и стал отталкиваться от берега. Но луна рассердилась и на ветер и на Мишу и торопливо скрылась за облака.

Было светло, как днем, стало темно, как в полночь. Скрылся из глаз большой берег, куда тянуло Мишу. Не стало видно ни земли, ни озера.

А ветерок опять шепнул Мише:

— Не спеши, Миша, подожди до утра. Утром солнце взойдет, и не будет страшно. Все успеешь, подожди до утра!

Заплакал Миша и вернулся домой.

Утром ему уже не захотелось на большую землю.

СПАСИБО, ЧТО РАЗБУДИЛ МЕНЯ

— Прости, родная, что я разбудил тебя.

— А что случилось?

— Скорей оденься и выйди на берег. Там удивительно хорошо!

— Ты знаешь, что я и вчера не спала?

— Знаю, прости, пожалуйста, одевайся скорей!

В окна проникал свет: то ли сияние неба, то ли сияние озера. По полу и по стенам двигались белые лунные полосы. Женщина тяжело

поднялась с постели, набросила на плечи легкий ситцевый халатик, и он тоже засветился на ней.

— Пойдем скорей, в такую ночь нельзя сидеть в доме, — повторял мужчина.

— Я не сидела. Я только что заснула. Ты знаешь об этом?

— Да!

— Знаешь, что я очень трудно засыпаю?

— Да!

— Что я опять принимала снотворное?

— Да! Я все знаю! Пойдем скорей!

Когда они вышли на крыльцо, женщина ахнула и заторопилась на берег озера. На ходу она сдернула с плеч халатик и надела его как следует, в рукава. Мужчина теперь шел сзади, он даже отставал.

Озеро посверкивало и ликовало от берега до берега, все насквозь; и оттого, что оно было рядом, мир казался шире и глубже. Луна сияла одинаково кругло и в небе и в озере, только представлялось, будто в озере отражается ее обратная сторона.

К черным камышам на середине озера и дальше, к черному лесу на горизонте был перекинут лунный мостик из круглых березовых плашек. Мостик был наплавной, и, если ступить на него, побежать по нему, он, конечно, закачается и начнет прогибаться.

Женщина остановилась у самого лунного мостика на песчаной отмели и обернулась к мужчине.

— А у твоих ног тоже лунный мостик! — сказала она, сказала так весело, что мужчина заулыбался.

В этот миг далеко за озером раздался крик птицы, будто потревоженный петух спросонок вскинул голову и спросил кого-то, все ли в порядке.

Крик повторился. Женщина замерла, как зачарованная.

— Это петух?

— Нет. В той стороне только болота, жилья нет.

— Кто же это?

— Догадайся сама.

— Не могу.

— Это журавли кричат.

— Почему же они кричат?

— Не спится, наверно. Такая ночь...

— Понятно.

Журавли успокоились, и стало слышно, как над головой зашелестели листья, еле слышно зашелестели, а у самых ног, там где песок и галька, вдруг легонько плеснула вода. Плеснула, откатилась и опять плеснула. Ночной плеск волны, как плеск времени. Боже мой, как все интересно!

— Спасибо тебе, родной мой! — сказала женщина.

— Прости, что я разбудил тебя.

— Спасибо, что разбудил. Иначе бы я ничего не знала об этих ночах, об этом нашем мире. Спасибо, что ты не даешь мне спать.

МИШИНЫ РАЗГОВОРЫ

МАЛЕНЬКИЕ ЗАПИСИ

* * *

Миша долго не спит, а глаза закрыты.

— Ты чего? Притворяешься? — спрашивает мать.

— Нет, я кино про себя смотрю.

* * *

— Знаешь, как я рос? Сначала были волосы, потом появились уши. Мама думала — гриб, а это был я. Сначала у меня были уши, мама взяла за них и потянула, появились глаза, нос, рот и весь я — Миша.

* * *

— Спи, Миша! — говорит мать, печатая на машинке.

Я говорю ей:

— Перестань печатать, он скорей уснет.

— Нет, лучше печатай, — протестует Миша. — Я буду слушать и думать, что это идет дождь... и засну.

* * *

Миша нарисует автомобиль и начинает гудеть: мотор заведен, машина пошла вперед... То же и с самолетом.

* * *

ПАПИНА СКАЗКА

Был монастырь. Веселая жизнь на Сладком острове, престольные праздники, гуляния. Сбитень медовый. И вдруг ничего этого не стало. Но злые силы были повержены, и остров освобожден. Только жить на нем, пользоваться его дарами люди уже разучились, и пустынным островом скоро снова завладели злые силы.

* * *

МИШИНА СКАЗКА

— Опять ты длинную сказку?

— Будет короткая.

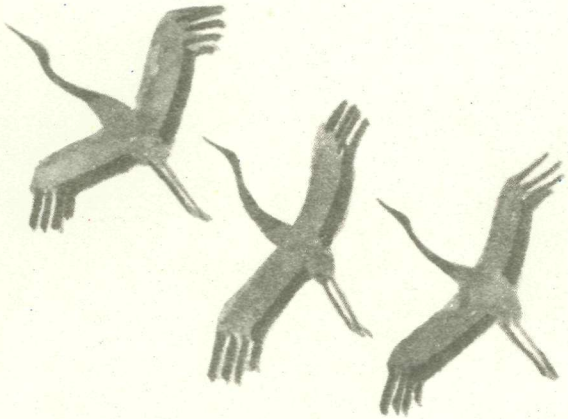
Жили-были старик да старуха. А в Сладком озере было много рыбы. Старик ловил рыбу, а старуха варила уху. Но вот старик поймал однажды золотую рыбку. Настоящую золотую, а не простую... И принес ее домой. И старуха стала варить уху из золотой рыбки.

— Ну, и что дальше?

— Сварила она уху, и они ее съели.

— Ну, а как же золотая рыбка?

— Так они же ее съели.



СОДЕРЖАНИЕ

Когда мы уедем? 5
Волны шумят 18
Чайка 20
Тысяча первая песня 21
Щука 30
Раки 34
Крапивное семя 36
Моряком будешь! 38
Сударева лодка 40
Не собака и не корова 44
Новая считалка 46
Свобода 47
Каменная гряда 49
Мамины сказки. Утро 51
Грибные шашлыки 57
Журавли, или Сила слов... 59
Лунный мостик 68
Спасибо, что разбудил меня 68
Мишины разговоры 70

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Яковлевич Яшин

СЛАДКИЙ ОСТРОВ

Редактор *Ю. Н. Афанасьева.* Художественный редактор *М. В. Таирова.* Технический редактор *И. И. Капитонова.* Корректор *Л. М. Логунова.*

Сдано в набор 1/IX-72 г. Подп. к печ. 25/IV-73 г. Формат бум. 84×108 1/16. Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 6,55. Изд. инд. ЛД—299. А07906. Тираж 150 000 экз. Цена 71 коп. в переплете. Бум. № 1. 7—6—2. 247—72.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 963.